

№2
Февраль 2014

ТУСОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГРУЗИИ



Мир без преград



8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ - ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2⁽¹⁰⁰⁾
Февраль 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 НАШ САМЫЙ ВАЖНЫЙ ПРОЕКТ
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
- 7 ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ И ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ
- 10 ГОРЬКИЙ ПРИВКУС ЧУЖОГО ХЛЕБА
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 14 БЛОКАДА: НЕ ВСЕ МЫ УМРЕМ...
НАТАЛИЯ СОКОЛОВСКАЯ
- 18 И СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ, И ДЕЛО ДЕЛАЕТСЯ
- 19 ШАГ ДОБРОЙ ВОЛИ
- 20 ЖИЗНЬ ПОД ПАРУСОМ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 29 СЧАСТЛИВЫЕ ЗВЕЗДЫ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 32 ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ И ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ
- 34 ГРУЗИНСКИЕ КОРНИ, РУССКАЯ КРОНА
НИНА ШАДУРИ
- 38 РАССКАЗЫ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 42 ЧИСТЫЙ РОДНИК
МОШЕ БЕН ЦВИ, ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 43 ИЗ «ГРУЗИНСКИХ ТЕТРАДЕЙ»
ИЯ МЕСХИ
- 46 ГРУЗИНСКИЕ МОТИВЫ ЗАРУБЕЖЬЯ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 50 СТИХОТВОРЕНИЯ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 52 МАСТЕР, НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖИЙ...
БОРИС ДОБРОДЕЕВ



ФОНД РУССКИЙ МИР

ОТ ДО

У ТРОНА РЕВОЛЮЦИИ

Шутам во все века дозволено было многое – они могли выслушивать решительно все, даже недостатки своего властителя. Короли, цари и папы любили посмеяться над остротами придворных остроумцев, среди коих встречались весьма умные и талантливые, а иногда и гениальные люди. Но королям ничто человеческое не чуждо, и наступал такой момент, когда монарх обижался на какую-нибудь рискованную шутку своего любимца. И тогда случалось, что последним ценителем шутовского искусства в темном страшном застенке становился палач. И у революции были свои шуты... Всеволод Эмильевич Мейерхольд – имя великого режиссера-бунтаря и новатора, создателя биомеханики и «пролетарского театра», гения и жертвы советского строя. Он долго был угоден, но оказался негибким и неспособным к переменам. Мейерхольд настолько застрял в периоде абсолютной творческой свободы двадцатых годов прошлого века, что не заметил, как изменилось время и народилась новая монархия – время «красного царя» Иосифа Сталина. Тогда бывшего кремлевского любимца попросту смела волна серого чиновничьего вала. Яркие блестящие его шутовского домино оказались неуместными в толпе людей в одинаковых френчах, как у вождя... На самом деле его звали Карл Казимир Теодор Майергольд. Он родился 28 февраля 1874 года в провинциальной Пензе в обеспеченной семье обрусевшего немца – владельца винокурни. После окончания местной гимназии юный Карл отправился в Москву учиться на юриста.

Но как только вступил в возраст совершеннолетия, он бросил университет, окрестился в православие и взял себе имя Всеволод в честь любимого писателя Гаршина. Куда же потянуло молодого завоевателя столицы? Конечно же, в театр. Он стал учеником знаменитого Немировича-Данченко и участником самой первой труппы легендарного Художественного театра. Мейерхольд был Треплевым в самой первой «Чайке». И буквально сразу же Станиславский заметил его необычайное режиссерское дарование и предложил возглавить одну из экспериментальных актерских студий на Поваровке. Но результат обескуражил классика мировой театральной режиссуры – он посчитал, что молодой новатор абсолютно пре-



небрегает актером в угоду режиссерских «выкрутасов». Мейерхольд, «хлопнув дверью», отправился искать самореализации в провинции. А уж там он, что называется, «оторвался», поставив несколько десятков самых авангардных спектаклей за несколько лет. Его изрядно побросало по стране – и в глубинке, и в столицах... А потом была революция и ей потребовалось новое искусство. Всеволод Эмильевич ходил в шинели, с буденовкой, с наганом в кобуре и ставил, ставил и ставил массовые действия на площадях городов и в залах, военные парады и театрализованные представления на пролетарских празднествах. Он организовывал театры, создавал новую актерскую школу, ставил уникальные экспериментальные спектакли, поражая смелостью прочтения знаменитых пьес. Его обожали и у нас и на Западе. Его почитали и одновременно порицали современники – уж очень он был неординарен во всем, и в творчестве и в жизни. Его жестокость к артистам была общеизвестна, и известный острослов – знаменитый писатель Алексей Толстой даже вывел его в своей сказке «Буратино» в образе Карабаса Барабаса... А потом все закончилось – сначала закрыли театр, потом началась газетная травля, а потом его арестовали и расстреляли. Новым временам уже не нужны были строптивные шуты, а

потребовались сладкоголосые придворные поэты. А все-таки здорово, что в русской культуре было столько гениев. Хотя, недавно я с удивлением увидел имя Мейерхольда в пятерке лучших немецких театральных режиссеров всех времен.

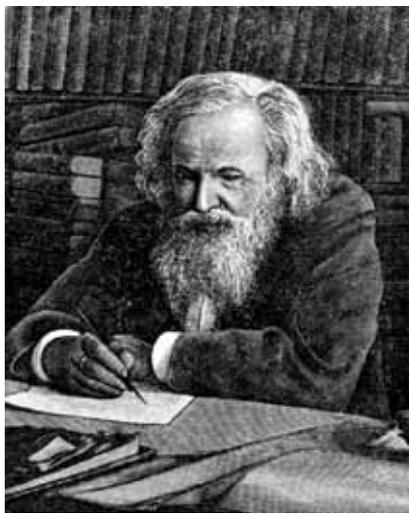
ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

6 февраля 1894 года родился выдающийся грузинский актер, режиссер, художник и педагог Михаил Эдишерович Чиаурели. Он родился в Тбилиси и обучался в Тифлисской школе живописи и скульптуры. Еще будучи студентом, он начал выступать на театральных подмостках не только родного города, но и Кутаиси и Батуми. Отчасти, для заработка, а отчасти потому, что это было распространённым поветрием и модой среди образованной и одаренной грузинской молодежи. Но не только театральное искусство волновало молодого интеллектуала и патриота, сразу по окончании художественной школы он отправился в археологическую экспедицию по южным районам Грузии. Исторические потрясения он встретил не с испугом, а с воодушевлением и даже принял участие в создании Театра революционной сатиры. А после отправился на два года продолжать художественное обучение в Германию. Вернувшись работал сначала скульптором, но после пришло время театра и кинематографа. Михаил Чиаурели переключается на режиссерскую деятельность – и это стало его призванием на всю жизнь. Он успел необычайно много – и в театре, и в кино, и в мультипликации, где пригодились его навыки художника и скульптора. Но параллельно со своей основной творческой деятельностью Михаил Эдишерович всю жизнь преподавал. Он работал со студентами в киноактерской школе при Тбилисской киностудии и в знаменитом ВГИКе – и вырастил целую плеяду талантливых учеников. В памяти современников Михаил Чиаурели остался настоящим грузинским интеллигентом – образованным, открытым новому в искусстве, щедрым и мудрым. Талантливыми были его жена и дочь – выдающиеся грузинские артистки Верико Анджапаридзе и Софико Чиаурели, а также его племянник – знаменитый кинорежиссер Гия Данелия.



ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Когда называют имя Менделеева, все вспоминают, что он во сне увидел периодическую таблицу химических элементов и что он изобрел водку. Хотя, конечно же, никакой водки он не изобретал, просто его диссертация была на тему спиртовых растворов. На самом деле Дмитрий Иванович Менделеев, которому 8 февраля исполняется 180 лет со дня рождения, был необычайно разносторонним и очень трудолюбивым человеком – он написал свыше полутысячи научных трудов по химии, физике, метрологии, метеорологии, сельскому хозяйству, экономике и даже по народному просвещению. А еще он сказал свое слово в нефтедобывающей отрасли, предложив транспортировать нефть не в бурдюках на спинах осликов, а посредством специальных трубопроводов. И даже «отбрил» одного неумного государственного деятеля, предложившего использовать нефть, как топливо, крылатой фразой, что «топить можно и ассигнациями». А еще он, уже будучи очень пожилым человеком, увлекся воздухоплава-



нием и даже совершил в одиночку полет на монгольфьере. Во время этого полета он проявил редкостное самообладание, покинув корзину и по веревочной сетке поднявшись, чтобы открыть выпускной клапан и обеспечить нормальный спуск на землю. Его зять – великий русский поэт Александр Блок, намекая на многогранность талантов Менделеева, любил его называть последним человеком эпохи Возрождения. На что Дмитрий Иванович добавлял «в индустриальный период»...

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ

Это в стихах просто открывался ларчик. А в жизни создателя этих строк Ивана Андреевича Крылова, который родился 245 лет назад, все было ой как не просто. Он родился в провинции в семье небогатого офицера. Рано осиротел и не получил систематического образования.



Но был упорен и освоил множество наук и языков. И был так здорово самообразован, что, перебравшись в Петербург вместе с матерью, поначалу получал вполне приличные должности. И не по протекции, а исключительно своими талантами. Его литературные способности проявились еще в совсем молодом возрасте, и ему захотелось известности и славы. Но первые опыты оказались неудачными – его пьесы, оперные либретто и ранние стихи не снискали известности автору. К тому же ершистый характер не позволил Крылову закрепиться в столице. Он снова уехал в провинцию. Биографы не очень хорошо исследовали его жизнь в глубинке. По слухам он перебивался случайными заработками и не брезговал карточной игрой, из-за чего ему на пять лет был закрыт путь в столицы... Спасение пришло от высокопоставленного друга, который предложил ему место воспитателя своих детей. И вот в этой уединенной жизни в усадьбе и родились первые книги басен, которые сделали Ивана Андреевича знаменитым.

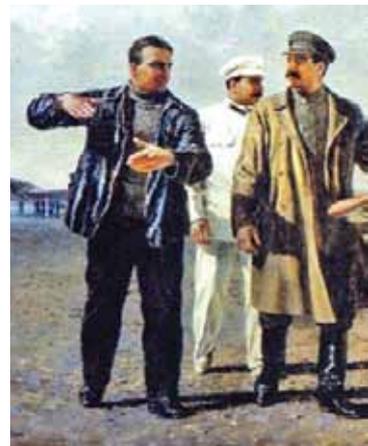
Первые же опубликованные книги принесли Крылову всероссийскую известность и славу. А сам он отныне почитался «первейшим русским пиитом». И вообще, всю вторую половину своей жизни Крылов провел в достатке и уважении. Его почитали и общество и двор. Ему даже была предложена синекура – должность библиотекаря Императорской публичной библиотеки, и часто повышалась сумма ежегодного содержания.

Невзирая на слухи о переводческой природе его произведений, на самом деле только пятая часть его творчества по сути является русскими версиями древнего грека Эзопа и француза Лафонтена. Остальные

же из его более, чем двухсот басен, оригинальные, крыловские. Они издавались и издаются до сих пор. На них уже больше двух веков выросли многие поколения русских детей. Это очень редкий случай, когда поэзия решительно не устаревает и не кажется архаичной.

«РАСПРАВИВ КРЫЛЬЯ СОКОЛА».

Так пелось в популярной песне об этом герое советской поры, а самого его называли сталинским Соколом. Сто десять лет назад родился великий советский летчик Валерий Павлович Чкалов. Кто из мальчишек той поры не хотел бы повторить его героический путь! Храбрец, первооткрыватель, участник рекордных перелетов на дальние расстояния, один из первых героев Советского Союза. О нем еще при жизни ходили легенды. Особенно популярной была история про его полет на спор под сводами Троицкого моста. Но почти все байки про Чкалова оказывались просто чуть приукрашенной правдой – он действительно был исключительно храбрым пилотом. И характер имел настолько строптивый, что в армии ему места не нашлось. Зато он нашел свое призвание в редкой и героической профессии летчика-испытателя. Он, как писали в газете, «дал дорогу в небо» очень многим моделям самолетов. И именно как испытатель совершил вместе со своими товарищами Беляковым и Байдуковым два сверхдальних беспосадочных полета на Дальний Восток и в Америку через Северный полюс. Этим молодым и красивым героем восхищались все жители Страны Советов. От товарища Сталина, по слухам бывшего с ним на «ты», до красивых барышень, к которым этот



покоритель воздушного океана тоже был явно неравнодушен. Он частенько говорил себе заветную фразу: «По подвигу и награда» и позволял себе вскружить голову очередной красотке. С одной из них я в детстве рядом жил в огромной перенаселенной московской коммуналке. «Он правда-правда ничего не боялся?» - допытывался я у седой старенькой соседки. На что она, помолчав, ворчливо ответила: «Жены он боялся!»

Роб АВАДЯЕВ





▲ Николай Свентицкий

НАШ САМЫЙ ВАЖНЫЙ ПРОЕКТ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы держите в руках 100-й номер общественно-художественного журнала «Русский клуб». Журнал выходит в свет уже восемь с лишним лет. 100 месяцев. Честно признаться, мне и самому трудно в это поверить.

Когда мы придумали и выпустили первый номер, даже и не предполагали, что начали долгий и серьезный проект, который станет самым важным в деятельности Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Нам хотелось только одного – чтобы в Грузии продолжала звучать русская речь, повествующая не о политических катаклизмах, а о культуре, не о том, что ссорит народы, а о том, что их объединяет, продолжает дружбу, рождает любовь, несет добро... За первым номером последовал второй, а затем и следующие.

Все сто номеров «Русского клуба» - одинаково равноценны, и выделить самые удачные и любимые я просто не в состоянии. У нас не бывает более и менее интересных номеров – каждый номер мы создаем как самый главный. Журнал не может позволить себе роскошь переживать кризисы. У него второго шанса не бывает. Плохой номер – это последний номер. Наш читатель, хоть и великодушен, но глупые и пошлые тексты читать не станет. Поэтому журнал неизменно должен держать высоту – быть безупречно профессиональным, качественным и талантливым. Ведь, как сказал поэт, «талант – единственная новость, которая

всегда нова». «Русскому клубу» это удастся. Я говорю без тени смущения, поскольку именно вы даете нам уверенность, что наш журнал вам интересен и дорог. Каждый день мы получаем десятки писем со словами похвалы и благодарности, повторить которые было бы, пожалуй, нескромно. Но ваши слова дают стимул, мотивацию и веру в то, что наш труд не напрасен.

За восемь лет героями наших публикаций стали более 700 выдающихся деятелей культуры, спорта, просвещения, науки, которые являют собой гордость не только нашей страны, но и всего мира. И сегодня 100 номеров журнала «Русский клуб» - это своего рода история культуры Грузии, благородная летопись русско-грузинских отношений. «Невзорванными мостами» назвал такие отношения между людьми разных стран Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, который не раз осенял нас своим благословением.

Так получилось, что мы, делая свое дело, оказались носителями высокой миссии – и творческой, и, что самое важное в наши дни, - миротворческой. Мы хорошо понимаем, что для нас это большая честь и огромная ответственность, ведь журнал «Русский клуб» сегодня – это не только интересное и познавательное чтение, но и бренд страны, ее культурная визитная карточка на русском языке.

Юбилей русскоязычного журнала в Грузии – праздник для издателей и читателей и событие поистине государственной важности. Без преувеличения можно сказать, что деятельность журнала «Русский клуб» - беспрецедентный факт. В сложнейших условиях последних лет, когда русский язык подвергался гонению и притеснению, журналу удалось выстоять, стать популярным и востребованным изданием в кругах грузинской интеллигенции, в творческой среде, привлечь в ряды своих авторов и читателей грузинскую молодежь, которая пишет и читает по-русски, а самое главное – пропагандировать за пределами Грузии великий культурно-исторический образ нашей страны.

Несмотря ни на что, журнал «Русский клуб» каждый день совершал своего рода подвиг – гражданский, профессиональный, человеческий, за что я от всего сердца благодарю авторов журнала и его небольшую, но самоотверженную редакционную коллегию.

Спасибо Международному благотворительному фонду КАРТУ и Фонду «Русский мир» за неизменную поддержку «Русского клуба». И, конечно, я не могу не сказать слова особой благодарности в адрес выдающегося мецената, общественного деятеля Бидзины Иванишвили и премьер-министра Грузии Ираклия Гарибашвили, которые стояли у истоков создания журнала.

Дорогие друзья!

Поздравим друг друга с нашим общим юбилеем и пожелаем журналу «Русский клуб» долгой и плодотворной деятельности на благо Отечества, во имя мира, согласия и любви!

Николай СВЕТИЦКИЙ

ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ И ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ

100 номеров журнала «Русский клуб» – это славная летопись русско-грузинских связей. За восемь лет героями публикаций вашего журнала стали многие замечательные люди, внесшие и продолжающие вносить свой достойный вклад в общественную, культурную, научную жизнь не только Грузии и России, но и всего мира. Ваша работа играет важную роль в развитии многовековых отношений между нашими странами, в поддержке соотечественников, сохранении русскоязычного пространства за рубежом.

Высокий профессионализм сотрудников и ответственное отношение к возложенным на себя задачам позволили изданию завоевать доверие и внимание читателя. Убеждены, что в будущем аудиторию журнала «Русский клуб» ждет еще больше актуальных и важных материалов в сочетании с традиционно высокими стандартами журналистики.

Хотелось бы пожелать вам кавказского долголетия, новых достижений и благополучия!

С.В. Михайлов,
Генеральный директор ИТАР-ТАСС

На протяжении уже восьми лет ваш журнал входит в число ведущих русскоязычных изданий Грузии. Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», при участии которого он издается, широко известен в Грузии и за ее пределами своей многогранной деятельностью.

Журнал «Русский клуб» также играет свою важную роль в углублении и популяризации отношений народов Грузии и России и сохранении связей наших соотечественников с русской культурой. Самоотверженный ваш труд позволяет сберечь единство Русского мира и помогает людям не потерять язык и чувство общности с Родиной.

Не вызывает сомнения, что и в будущем ваше издание будет вносить свой ценный вклад в развитие глобального русскоязычного информационного пространства, чему только поспособствует высокий профессионализм ваших сотрудников.

Хотелось бы пожелать коллективу журнала «Русский клуб» дальнейших творческих успехов и удачи во всех начинаниях!

В.Н. Игнатенко,
Президент Всемирной Ассоциации русской
прессы, Первый заместитель Председателя
Комитета Совета по международным делам

М.С. Гусман,
Первый заместитель
Генерального директора ИТАР-ТАСС

В наш юбилейный год, а журналу «Дружба народов» ныне исполняется 75 лет, – мы рады приветствовать тбилисских коллег-юбиляров, в сотый раз выпускающих в свет свой элегантный, красивый, содержательный журнал под названием «Русский клуб».

Пусть на ваших страницах не иссякают вдохновенные строфы грузинских и русских поэтов, пусть они перемежаются талантливой грузинской новеллистикой с ее весомой легкостью и южным блеском, а в унисон с ними ностальгически звучат голоса подлинных знатоков Тбилиси, коих влекут стертые пороги Солولاка, экзотический колорит Авлабара и романтические склоны Мтацминды. На ваших страницах находят отражение предания старины и легенды грузинского спорта. Но каждый, кто имел удовольствие полистать ваше издание, расслышал его внятный театральный актерский акцент. И не мудрено: журнал «Русский клуб» – детище театра. Так же, как его учредитель и тезка – Международный культурно-просветительский Союз, и неизменный, неистощимый руководитель проекта Николай Свентицкий.

Из северных широт шлем поздравления по-старому проверенному адресу – «Чуть-чуть южнее рая»!

Дружески ваши,

Журнал «Дружба народов»,
А.Эбаноидзе, Ф.Нагимов (Москва)

Многие – и, увы, не самые легкие и светлые – годы ваш Клуб и ваш журнал сберегал и взращивал вечные, но зачастую подмораживаемые неумной сиюминутной политикой лозы русско-грузинской и грузинско-русской дружбы, великую культурную связь наших народов. Трудно переоценить ваш вклад, дорогие собратья, в это благородное дело!

Успехов и счастья вам, всем вашим грузинским и русским друзьям, Грузии и России!

Журнал «Звезда», Яков Гордин,
Андрей Арьев, Алексей Пурин (С.-Петербург)

Мы живем в разных странах, выглядим по-разному и пишем часто о разном, но духовное и интеллектуальное отечество у нас одно – великая русская культура, понятая – и вами, и нами – как равная в кругу равных мировых культур.

Так или примерно так мы, наверное, могли бы обратиться ко всякому дружественному изданию, что выходит на русском языке в Германии или Израиле, в Украине или Австралии. Но с грузинскими поэтами,

артистами, художниками нас связывают особые отношения, ни на что не похожее сердечное влечение – род недуга, и тесное родство московского «Знамени» с тбилисским «Русским клубом» – это взаимное влечение еще и еще раз подтверждает.

Поэтому, меняя патетический регистр на язык дружеского застолья, мы сегодня говорим: будьте, пожалуйста, здоровы и будьте, мы вас умоляем, счастливы, наши дорогие друзья! Пусть каждый следующий номер вашего журнала наполнится, как и предыдущие, неганданными открытиями, и пусть «Русский клуб» и впредь останется надежным спутником и увлекательнейшим собеседником – как для грузинских читателей, так и для российских!

**Журнал «Знамя»,
Сергей Чупринин (Москва)**

Театр-музей «Булгаковский Дом» и Литературный салон в «Булгаковском Доме» от души поздравляет вас и ваших коллег с выходом 100-го юбилейного номера журнала «Русский клуб».

Мы с большим вниманием наблюдаем за тем, что происходит в современной культуре Грузии и считаем, что Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и одноименный журнал являются не только образцами подлинной любви к русской и грузинской культуре, но и важным культурообразующим фактором современных русско-грузинских отношений в целом.

Мы считаем крайне важным сотрудничество с «Русским клубом» и всегда рады принимать вас и ваших авторов в стенах легендарного дома великого русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова.

Желаем читательского внимания журналу, творческого долголетия союзу «Русский клуб», здоровья и сил вам и вашим коллегам в нелегком труде сохранения и приумножения русской и грузинской дружбы и культуры.

Андрей Коровин (Москва)

Ваш журнал берет свой исток в середине 2000-х, когда всем нам, пережившим драматические 90-е, казалось, что разбросанные камни разлетелись слишком далеко, чтобы можно было их собрать заново. Однако, ваш опыт – еще одно свидетельство тому, что добрая воля, помноженная на напряженную кропотливую работу, способна творить большие и малые чудеса. Все эти годы журнал, издаваемый «Русским клубом», остается той самой «территорией любви», а также здравого смысла, исторической памяти и высокой духовности, тем самым добрым маяком, свет которого отчетливо различим в самых дальних уголках планеты.

Алина Талыбова (Азербайджан)

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и одноименный журнал, представляя собой единое целое, один слаженный организм, достигли, безусловно, выдающегося рубежа. Можно с трудом себе представить как непросто в нынешние времена, сто раз подряд сделать столь высококачественную, красивую работу.

Для меня и моей супруги – певицы Ксении Захаро-

вой-Воловик, журнал «Русский клуб» особенно дорог. Один из его памятных для нас номеров висит у меня над рабочим столом в золоченой рамке. Это незабываемый подарок, который будут хранить наши дети и внуки. Ведь на его обложке – мы, счастливая пара, запечатленная в Тбилисском ЗАГСе в день нашего бракосочетания, с бесценными фотографиями, на которых великий человек – Католикос Грузии Илия II, вручает нам икону святого Георгия Победоносца.

Поверьте, мне приходится получать и просматривать довольно много всевозможных журналов, издаваемых на русском языке в разных странах. «Русский клуб», друзья мои, один из самых лучших.

«Русский клуб» интеллигентен, изыскан, добротен. Он действительно хорош: графическим оформлением, оригинальной подачей материалов, великолепными иллюстрациями, обилием исторических документов, хорошей поэзией, глубоким содержанием профессионально подготовленных очерков, эссе, интервью и репортажей.

Вот что еще хотелось бы отметить... Грузинский журнал с названием «Русский клуб», в том числе и в дни известных печальных событий пятилетней давности, наглядно продемонстрировал: язык культуры и искусства является поистине Божественным даром, стирающим границы подозрительности и недоверия, разрушающим возведенные искусственные барьеры, ломающим стереотипы.

Олег Воловик (Венгрия)

Искренне поздравляю вас с юбилейным номером журнала! Работа, которую вы делаете с таким энтузиазмом и БЛАГОжеланием, заслуживает глубокого уважения и поддержки. Я искренне рад знакомству и сотрудничеству с вами и уверен, нам еще предстоит совместные начинания и проекты.

Давид Матевосян (Армения)

Дорогой журнал «РК», поздравляю с «вековым» юбилеем и желаю крепкого здоровья, русского размаха и грузинской окрыленности! Язык дан нам Творцом для взаимопонимания – и занятия литературой, которая призвана способствовать взаимопониманию между людьми, а не отторжению их друг от друга. Истинная литература служит добродушному разумению и поддерживает нас всех – и читателей, и писателей. Великие произведения созданы на русском языке, и это согревает душу тех, для кого этот язык – язык Грибоедова и Пушкина, Толстого и Платонова – является родным.

Давид Маркиш (Израиль)

На сотый номер журнала «Русский клуб»!

СТОличный – кто б возразил: тбилисский глянцево-журнал!

СТОликий – сколько же замечательных лиц запечатлено на страницах этого журнала: весь цвет грузинской и русской культуры, литературы, науки, спорта!

СТОлбовой – значит: знатный, потомственный. Конечно – знатный и потомственный, потому что воспринял две древние культурные традиции: грузинскую и русскую!

СТОический – еще бы, попробуй выстоять в наше трудное время!

СТОжильный – а каким еще надо быть, чтобы доставлять к читателям такое количество разнообразной информации!

СТОлпнический – читай: подвижнический. В наше время нести душевный и духовный свет – настоящий подвиг!

СТОрожевой – стоит на страже культуры двух стран!

Короче, «Русский клуб» – с первой тебя «сочоткой»!

Наталья Соколовская (С.-Петербург)

Незначем годы считать – люди живут и подольше/ Суть не в годах, а в делах – их-то и надо считать» – советовал поэт и мудрец Публий Овидий Назон.

«Сотый» номер журнала «Русский клуб», за которым тянется яркий шлейф из 99 его собратьев, – убедительное свидетельство отлично проделанной работы коллектива журнала и его авторов, на протяжении многих лет душой и сердцем, мастерским своим пером добывавшим (и добывшим!) честь и славу, почет и уважение «Русскому клубу» на всем мировом русскоязычном пространстве.

Общенациональный Союз писателей Грузии связывают с МКПС «Русский клуб» и одноименным журналом давние дружеские, партнерские и творческие взаимоотношения.

С юбилеем, дорогая редакция «Русского клуба»!

Мы и в дальнейшем готовы дружить и сотрудничать. До второй сотни, как минимум. А где вторая, там и третья.

Общенациональный Союз писателей Грузии

Глубокоуважаемый батону «Русский клуб»!

От всего сердца приветствую ваш юбилейный номер, а с ним и вашу историческую миссию всемерного укрепления двух великих культур – грузинской и русской!

Успеха вам в благородном труде, счастья в семье и ясного солнца в нашем общем небе!

Юлий Ким (Москва)

Это значимое событие не только для Грузии, но и для всего русскоязычного литературного сообщества. Уверена, что и последующие 100 и более номеров «Русского клуба» выйдут на таком же высоком успешном профессиональном уровне и что грузинская культура будет так же достойно представлена широкой иноязычной аудитории.

Спасибо русскоклубовцам во главе с Николаем Николаевичем Свентицким за те содержательные и познавательные номера, с которыми мне посчастливилось познакомиться и стать вашим читателем.

Каринэ Халатова (Армения)

«Только я глаза закрою – предо мною ты встаешь».

Эти стихи Галактиона Табидзе очень любит мой сын, выросший во Франции. По его просьбе я ставлю ему запись чтения замечательного актера Гоги Харабадзе. Он слушает эти стихи, чтобы не забыть русский язык. Так грузинская поэзия, с ее уникальной пластичностью, служит и нам, русским парижанам.

Таким же родником русского языка и русской культуры является для нас и журнал «Русский клуб», который охотно читают мои парижские друзья. Каждый раз

радует разнообразие тем и сюжетов – на его страницах и поэзия, и отчеты о встречах, театральная жизнь, воспоминания, путешествия в любимые места вашего удивительного края. Конечно, как писал Пастернак, «на Грузии не счесть/ одежд и оболочек./ На свете розы есть/ я лепесткам не счетчик», но благодаря вашему журналу мы как бы снова дышим знакомым воздухом дорогой нам страны.

«Клуб» – это ведь всегда и круглый стол, застолье, место встреч. Я рада, что на страницах вашего журнала встречаюсь со старыми знакомыми Давидом Маркишем, Александром Эбаноидзе, с которыми в далекие годы училась в Москве в Литинституте. И я благодарна моему другу Эмзару Квитаишвили, приведшему и меня на это застолье. Вот и встретились на страницах журнала Борис Леонидович Пастернак и Акакий Константинович Гацерелия, Галактион Табидзе и Алексей Крученых...

Пусть же этот родник не иссякнет, пусть же чудо взаимодействия двух великих культур в наше сложное время, когда оно подверглось такому тяжкому испытанию, продолжает дарить нам радость и надежду на будущее.

Ирина Емельянова (Париж)

Главный редактор и основатель ведущего русского поэтического журнала в Диаспоре «ИНТЕРПОЭЗИЯ» Андрей Грицман, редколлегия и общественный совет журнала от души поздравляют «Русский клуб» со славным юбилеем! Вы делаете важнейшее и благородное дело по поддержанию и распространению русского слова и русской культуры в мире. Мы надеемся, что общими усилиями мы сможем преодолеть пространства и разделяющие его границы в наше время и в будущем.

Андрей Грицман (США)

Дорогие друзья, создающие «Русский клуб», как хорошо, что вы у нас есть, и доказываете это уже сотым номером прекрасного журнала. Мы вас очень любим и ценим. Роль ваша в дружбе между грузинским и русским читателями велика и благородна. Как читатели желаем вашему детищу, журналу «Русский клуб» долгой жизни и еще много славных юбилеев. Удачи вам во всем, дорогие!

Юрий Ряшенцев, Галина Полиди (Москва)

Журнал «Русский клуб» похож на маяк у бурлящего моря. Какие бы шторма не грохотали вокруг, он дарит нам ясный и яркий свет надежды. В самые тяжелые времена журнал с достоинством нес свою высокую миссию – просветительскую и миротворческую. Именно «Русский клуб» стал тем мостом, который вновь – надеюсь, надолго и надежно! – соединил Грузию и Россию. Мы говорим – «Русский клуб», подразумеваем – культура, творчество, дружба. Да будет так и впредь!

**Валерий Сварчук,
Президент Союза российских
соотечественников в Грузии «Отчизна»**

Дорогой журнал «Русский клуб»! Интересный, красивый, умный и такой добрый-добрый! Желаю тебе долгих лет жизни, радости, процветания! Очень надеюсь, что смогу поздравить тебя и с выходом в свет твоего двухсотого номера. И чтоб на твоих страницах было бы больше премьер, интересных встреч, юбилеев, бенефисов, радостных событий.

Тенгиз Джаиани (Грузия)

(Продолжение на стр. 32)



ГОРЬКИЙ ПРИВКУС ЧУЖОГО ХЛЕБА

▲ Сцены из спектакля «Нахлебник»

В Тбилисском театре им. А.С. Грибоедова в конце января прошла премьера комедии И.С. Тургенева «Нахлебник», впервые показанная на грузинской сцене. Постановка посвящалась 195-летию со дня рождения И.С. Тургенева и 165-летию создания пьесы. Раз уж обратились к истории, то не грех ее вспомнить. Например, отзыв Герцена, который в письме из Парижа сообщал друзьям на родине, что «драма, которую пишет Тургенев, - просто объедение». Вкусная фраза, ничего не скажешь. Пьеса была написана в 1848 году, главная роль предназначалась для корифея русской сцены Михаила Щепкина. Но царская цензура усмотрела в этой комедии «решительное направление к унижению помещиков», представляемых «или в смешном и карикатурном, или чаще в предосудительном для их чести виде». Пьеса долго оставалась под запретом, ее нельзя было ни поставить, ни напечатать как произведение «равно оскорбляющее и нравственность, и дворянское сословие». Но запретный плод сладок, по возвращении Тургенева в Россию интерес к «Нахлебнику» необычайно возрастал в широких общественных кругах, пьеса распространялась в списках и с успехом читалась на литературных вечерах – в том числе самим автором.

Вопрос о ее публикации сдвинулся с мертвой точки в связи с задуманным петербургскими друзьями Тургенева изданием всех его «сцен и комедий». И в 1857 году пьеса наконец-то была напечатана, хотя для этого автору пришлось изменить ее название на «Чужой хлеб». Но даже после появления в печати комедия не была допущена на сцену, несмотря на постоянные хлопоты Щепкина о разрешении постановки, хотя бы в порядке награды, как он писал, «ему, старику, за пятидесятилетнюю добросовестную службу искусству». Постановка осуществлялась лишь после манифеста 1861 года об отмене крепостного права. Премьера «Нахлебника» состоялась в январе 1862-го в Москве, в Большом театре, в бенефис престарелого М.С. Щепкина, в течение тринадцати лет боровшегося за возможность постановки. А вскоре, в феврале того же года комедия вышла и в Петербурге в бенефис Ф.А. Снетковой. По свидетель-

ству критиков, премьера не оправдала связанных с нею больших ожиданий, и не удержалась в репертуаре. Неудача пьесы критики объясняли ее «сценической слабостью».

В отличие от других произведений Тургенева, «Нахлебник» не был слишком востребованным и позже. Эта пьеса достаточно редко ставилась – обычно для бенефиса или юбилея какого-либо знаменитого артиста на выигрышную роль «маленького человека» Кузовкина. Главный герой комедии – «дворянин, проживающий на хлебах у Елецких», кроткий, униженный, забитый, которого как шута «для потехи держали». После смерти хозяина он также оставался в полном бесправии, и никто не догадывался, что владелица имения, дочь покойного барина Ольга Петровна – родное дитя нахлебника. Когда она после шестилетнего отсутствия приезжает из Петербурга с супругом – столичным чиновником, праздничное застолье заканчивается скандальной новостью. Безжалостные соседи-помещики для смеха подпоили Кузовкина, потешались над ним как над шутком, а тот, не стерпев издевательств и насмешек, выпалил при всех страшную правду. Наутро по настоянию Елецкого старик должен покинуть дом. Ему дают 10 тысяч рублей как откупные на его сельцо Ветрово, и требуют, чтоб он от своих слов прилюдно отказался, а значит, и от дочери.

Именно на поведении, реакциях, переживаниях этого униженного «маленького человека» построено все действие. Сюжет комедии можно трактовать по-разному, но с учетом, что Тургенев – признанный мастер глубинного психологического анализа. И при этом четко формулирует смысловой посыл обществу: беззащитность благородного человека лишь потому, что он беден и не может противостоять жестокости и бездушности мира имущих. Изначально заложенный смысл не теряет актуальность и в XXI веке. Писатель подчеркивает это резкое несоответствие уровня личности и ее места в социальной иерархии.

Грибоедовский театр, оставаясь верным автору, предложил свою сокращенную версию «Нахлебника». Постановщик – известный грузинский режиссер Нугзар

Лордкипанидзе (лауреат Государственной премии Грузии и трех театральных премий им. К.Марджанишвили, С.Ахметели, А.Церетели), работавший в ведущих театрах Грузии в качестве главного режиссера, он много ставил и за пределами Грузии – так что опыта и признания ему не занимать. Ученик Михаила Туманишвили и продолжатель его школы, соединяющей глубину психологического театра с яркостью внешней выразительности, Лордкипанидзе – и консерватор, и новатор в одном лице. В спектакле есть и театральное преувеличение, и тонкая проникновенность.

В «Нахлебнике» от «сентиментального натурализма», приписываемого Тургеневу критиками XIX века, не осталось и следа. Постановщик придал пьесе современное звучание без агрессивной наступательности и показухи. Это позволяет, не отвлекаясь, глубже воспринимать происходящее, проникнуть в суть внутреннего мира человека. Судя по реакции зрителей, это удалось: моментами зал буквально замирал.

Режиссер, следуя главной мысли автора, четко выстроил концепцию спектакля – «достоинство человека нельзя унижать». Обозначив контур идеи, он по-своему «раскрасивал» детали постановки, следуя принципу – театр должен быть зрелищным. Постановщик обошелся без особых внешних изысков, не прибегая к модным нынче броским техническим эффектам. Впрочем, здесь они были бы и не уместны – тургеневская классика в этом не нуждается. «Нахлебник» идет на малой сцене, и в постановке Лордкипанидзе работает все – игра акте-



ров, мизансцены, оформление, свет. Точные музыкальные акценты (музыкальное оформление Гии Какубери) подчеркивают эмоциональную окраску действия. Многие определяет сценография Джейрана Пачуашвили, заслуженного художника Грузии, лауреата премии им. А.Церетели. Надо отметить, что и для режиссера, и для художника – это первая работа в Грибоедовском театре.

Выразительное сценическое оформление создает особую атмосферу. Задник сцены перекрывает зеленая стеклянная веранда, освещаемая разноцветными переливами. За стеклом пышная зелень сада: листья, большие распустившиеся цветы, красные, фиолетовые, желтые. Эта веранда двойная, в центре ее – открытые проемы для входа в дом. И эта двойственность создает впечатление глубины и бесконечности зеленого пространства. От этих визуальных наваждений возникает ощущение некой таинственности – а что там, в глубине того иллюзорного пространства?

Эта символика очень важна в режиссерском ре-

шении: возникает контраст идеального – почти потустороннего мира, и земного, повседневного неприглядного быта, который открывается перед нами в гостиной. В ней и происходит все действие: здесь стоят голые деревянные столы со стульями, маленький игровой столик и в глубине – рояль. Никакого интерьерного антуража: голый быт – нудный и повседневный. Лишь по случаю приезда молодых хозяев дворовые слуги мебель немного «приоденут»: впопыхах накинут на нее белые чехлы. А за дверными проемами остается сад, влекущее к себе непознанное пространство, которое приобретает в спектакле символическое значение. Постановщик ввел в спектакль новый персонаж – покойную барыню, матушку Ольги Петровны (Нина Нинидзе). Замечательная находка постановщика – образ безответной, всепоглощающей любви Кузовкина, и нам, в отличие от дочери, не нужны доказательства его отцовства – это становится понятным с первой же сцены.

В полумраке сквозь переливы зелени сада в дверях гостиной, где сидят домочадцы, возникает женская фигура со свечей. Звучит старинная запись знаменитого романса «Утро туманное» на стихи Тургенева, ставшая лейтмотивом каждого ее появления. В узком луче света женщина тенью бродит по дому, но видит ее только Кузовкин – куда ни повернется, всюду она. Это станет его постоянным видением: то с младенцем на руках, то ведет малышку за руку... Будто тень барыни живет в доме, и возникает в самые значимые для Кузовкина моменты. А сейчас ее появление – приезд их дочери.

Еще один важный акцент в спектакле – контраст двух разных человеческих миров. В одном – порядочные, добросердечные люди, не потерявшие честь и достоинство. Но таких в жизни всегда мало. В другом – завистливые, алчные, показушно красующиеся выскочки и расчетливые дельцы. Сатирического обличения «ложной просвещенности, помещичьего произвола», да и самого быта позапрошлого века здесь нет. Есть острые характеры, неприглядные типажи – они вполне узнаваемы, это те, которые окружают нас сегодня. Нет никакого погружения в эпоху с его бытом и манерами поведения.

Вот дворовые слуги: они напоказ «угодничают», заискивают и лебезят, а по сути каждый ищет, что можно урвать для себя и как выделиться. Характеры этих персонажей проработаны вполне в современном духе, это не XIX, а XXI век. В спектакле почти полностью молодежный состав, что часто не совпадает с авторскими указаниями возраста персонажей.

Управляется с дворовыми присланный барыней дворецкий Нарцис Константинович Трембинский. Актер Зураб Чипашвили представил нам одержимого нарциссизмом надменного самодовольного красавца в элегантном костюме – «как следует дворецкому в богатом доме». По Тургеневу, он криклив, пронырлив, но внешне остается недоступным. Для этого амбициозного человека не существует никого – только он сам. При том, что он – человек-пустышка. Только и умеет, что кричать на дворовых: «Даром хлеб едите!» Но попробуй-ка не подчиниться ему – вот все и лебезят, угодничают. И женщины тоже – на кого глаз положил, та и будет с ним.

Впрочем, женщины здесь и сами кокетничают с новым дворецким, напропалую и наперебой. Что «свежая девка» Маша (Медея Мумладзе), что многоопытная Прасковья (Алла Мамонтова), здесь она не 50-летняя, как у автора, а молодая. И она побеждает, мы видим выходящую с задворок Прасковью, уже свысока поглядывающую на всех, а вслед за ней идет дворецкий, на ходу застегивающий сюртук. С какой завистью и негодованием смотрит на соперницу отринутая горничная



Маша, переживающая свою неудачу.

Команда актеров – дворовых слуг играет в современной стилистике, заданной постановщиком, они не зажаты, легки – и никакого «перевоплощения» в XIX век. Яркий пример режиссерского решения – управляющий Егор Карташов (Мераб Кусикашвили). Это не 60-летний «пухлый, заспанный человек», как заявлено у Тургенева, а хорохористый юнец, ничего не знающий в своем деле – сколько земель в имении, сколько душ. Но при этом он держится петушком, лихорадочно подыскивает слова, наобум выдает цифры прибывшему барину Елецкому, который будучи деловым человеком, не глядя на Егора, все тщательно записывает. Поблизости стоит «группа поддержки» управляющего – такие же неосведомленные молодые слуги – та же горничная Маша и лакей Петр (Александр Лубинец). Когда запас энергии у шефа иссякает, они «помогают» ему, как могут: втихоря от барина лакей привычно сует Егору рюмку водки. Управляющий оживает, и с новым пылом, бурно выдает что-то. Новый хозяин, конечно, недоволен, но других-то управляющих нет.

Эта сцена – скорее, карикатура на сегодняшних напористых молодых, которые, расталкивая друг друга, рвутся управлять, и им не важно – чем управлять и как, зачем и почему. Этакая шпилька новому времени. Небольшая сцена решена как фарс, но здесь нельзя слишком нажимать, переигрывать, чтобы не выпасть из общей стилистики спектакля. «Легкомыслие требует точности, а шалость – экономии комических эффектов», – как говорил выдающийся театральный критик К. Рудницкий. Исполнителям, наверное, стоит к этому прислушаться. Впрочем, ведь это премьера, спектакль еще не устоялся, и все впереди.

В той же обойме броских образов слуг есть их антипод – дряхлый, «выживший из ума» 70-летний портной. Глухой, полуслепой, с трясущимися руками, отрешенный от мира, он выпадает из этого строя и смотрится как юродивый. Он всей душой хочет угодить господам, дрожащей рукой смахивая щеточкой пылинки с одежды гостей и помахивая букетиком цветов. Известный актер Михаил Амбросов в бессловесной роли, нисколько не нажимая и не переигрывая, только внешним рисунком передает характер и человеческую суть. Профессиональное мастерство этого актера театру можно было бы интереснее использовать.

В «Нахлебнике» дворовые люди – лишь нижняя ступенька иерархической лестницы. Чем выше, тем страшнее: не только падать, но и смотреть наверх. Туда, где

победным взлетом восседает Флегонт Тропачев (Олег Мчедlishвили) – богатый барин соседнего имения, неотлучно держащий при себе юркого молодого приятеля Карпачева (Василий Габашвили). Громогласный, заносчивый и наглый, вихрем летающий Тропачев, ставит себя над всеми. Актер точно воплощает режиссерское решение этого персонажа. Явившись в гости, он даже хозяину Елецкому, мужу Ольги, постоянно говорит: «Павел Николаич, будьте как дома, хе-хе». Надо видеть, с какой надменной издевкой и брезгливым презрением, смотрит Тропачев на нахлебника. За столом Тропачев разворачивается во всю ширь – берет бразды правления в свои руки. Он должен показать себя, а заодно получить удовольствие, при всех унижая Кузовкина как шута. И чем хуже старику, тем забавней барину. Подпавшая и выставленная Кузовкина на посмешище, показушно выделяет такие куражи и притопы-прихлопы, что любой шут позавидует. Именно он в спектакле и есть

настоящий шут.

По признанию актера Мчедlishвили, он и сам хотел бы понять, что побуждало его героя стать таким. Может быть, это человек, которому либо от природы не даны человеческие чувства, либо для самосохранения, чтоб укрыться от реальности, «невыносимой легкости бытия», он выбрал себе по жизни маску шута. И навсегда сросся с ней. Так легче жить, никакая человеческая боль не заденет его. По тому же пути наверняка пойдет и его молодой напарник. Но пока Карпачев – лишь шут, неукоснительно выполняющий все приказания своего хозяина. Он предан хозяину, как домашний пес. Он даже демонстрирует это: после выпитой рюмки открывает рот, ожидая получить от хозяина закуску в награду, и для форсу, держит ее в зубах – смотрите все. Оба эти шута споили безропотного Кузовкина и вытянули из него историю о потерянном им имении. Довели до того, что, сидя за роялем, он улегся на него и задремал. А тем временем они украсили его колпаком шута. Смех обернулся болью.

Шутовские издевательства над Кузовкиным прекращает его друг и единственный близкий человек, очень бедный помещик Иванов (Георгий Туркиашвили). Он хоть и держится в тени, но, в отличие от Кузовкина, рационально смотрит на жизнь и адекватно оценивает ситуацию, у него нет розовой пелены перед глазами. Иванов излишне прямолинеен, порой даже жестко пытается вернуть приятеля к реальности. Но четко понимает свое место в присутствии Тропачева и особенно Елецкого. Ведь петербургский чиновник явно выделяется из ряда сельских помещиков.

По Тургеневу, этот коллежский советник «холоден, сух, неглуп, аккуратен» – точно таким мы и видим его в исполнении Дмитрия Спорышева, пожалуй, актер впервые предстал в таком амплуа и безукоризненно справился. Новый хозяин держится строго, даже несколько отстраненно, и радость жены, окунувшейся в воспоминания детства, ему не близка. Он человек «не злой, но без сердца». Тем не менее, может порой вступить в защиту униженного Тропачевым Кузовкина. Но в целом это деловой расчетливый человек, и его интересует только имение. Имущество и деньги – краеугольный камень его бытия. Все остальное – прикладное. Взорвать его могут только денежные дела. И буря в нем закипает при разговоре с Кузовкиным, когда он обвиняет Кузовкина во лжи об отцовстве ради наживы.

Неожиданностью и открытием стала для зрителей актриса Натия Меладзе, исполнительница роли Ольги

Елецкой. Это ее дебют на русской сцене театра Грибоедова. Она вызывает особый интерес, как одна из двуязычных актрис, которая с успехом работала в грузинских театрах, а теперь появилась в главной женской роли в русском театре. Можно себе представить, сколько трудностей ей пришлось преодолеть в работе. Даже многоопытные актеры не всегда справляются с иной интонационной окраской речи. Но с актерскими данными Меладзе, с ее глубокой, проникновенной эмоциональностью, эти трудности быстро сглаживаются. Главное, в своей героине она нашла и точно передала внутренний стержень образа. Ольга – открытое, чуткое, доброе существо, в начале – даже чуть наивное. Но при ее хрупкости в ней чувствуется скрытая сила характера. Когда речь идет о сохранении человеческого достоинства, она может противостоять даже любимому мужу. Это у нее наследственное, ведь она дочь своего отца. Именно в этом их внутренняя близость – родство душ, и не в словах, а в интонациях, в осторожных, нежных прикосновениях...

Выбор режиссером исполнителя главной роли тургеневского нахлебника – самый большой сюрприз. Ведь начиная с М.Щепкина, эта роль традиционно предназначалась старым известным артистам, «отягченным» званиями и славой. На грибоедовской сцене старика-отца Кузовкина играет молодой, известный своими яркими ролями артист Михаил Арджеванидзе. Знающим в жизни этого подвижного, черноволосого бородача, трудно поверить в реальность таких изменений. На сцене появился забитый, будто крадущийся, чтобы не быть на виду, горбящийся старик – полноватый, с неуклюжей походкой вразвалку. На лице стеснительная улыбка, густые седые волосы, седые брови.

Эта роль богата разнообразными оттенками, и артист полностью использовал их, раскрыв удивительно многогранную человеческую натуру. Перед нами был человек с доброй улыбкой – кроткий, со всем соглашающийся, затоптанный людьми, он старался быть незаметным. В ожидании приезда дочери, Кузовкин все терпел, даже унижительные выходки управляющего и слуг. Блаженно улыбаясь, отец глаз не сводит с Ольги. Поначалу она и вовсе не узнала его, но и тут он не сник, его лицо светилось радостью и надеждой. Когда она вспомнила того, кто играл с ней в детстве, он просто сиял от восторга. Благодушно-наивным он оставался и во время застолья, когда его спаивали, и когда был уж совсем пьян. Но колпак шута, унижение, и взрыв протеста. А после прилюдного признания своего отцовства – ужас, безысходная обреченность.

Самая сильная сцена спектакля, когда после страшного признания Кузовкин, оставшись утром наедине с дочерью, открывает ей истину. В этом рассказе, не разукрашенном лишними эмоциями, столько глубокой человеческой проникновенности... Прошлое не оставляет его: с ним навсегда осталась его неразделенная любовь к барыне, которую оскорблял, а потом и вовсе бросил муж.

В этом спектакле старик-отец – это нерасторжимое единство жизни и любви. «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать», – это не из пьесы, это жизненная заповедь самого Тургенева, которая распространялась и на писателя, и на его героев.

Кузовкин – человек чистый по натуре, с искалеченной судьбой, готовый всем уступать – что барину, что слугам. Не потому, что у него нет чувства собственного достоинства – оно есть, да еще какое! Когда Елецкий его зять, высокомерно и бесцеремонно обвиняет его во лжи ради денег – этого он снести не может, задевает честь. Он на глазах меняется, у него другая осанка,

решительный голос, это не забитый приживала, а личность, целая глыба – «Меня нельзя купить!»

Но когда дочь, поверив ему, попросит принять конверт с деньгами, он примет. Вот ей он ни в чем отказать не может – ведь Ольга признала его отцом. Он боготворит дочь так же, как и ее мать. Но злосчастный конверт, который все время у него в руке, как будто обжигает. По Тургеневу, Кузовкин принимает деньги и, умиротворенный, уезжает. Но у грибоедовцев финал пьесы изменен. На прощанье Кузовкин говорит дочери: «Бог вас наградит», и тихо оставляет конверт на столе. И это не показной жест самоутверждения, как это было в 1968 году в Ленинградском театре драмы в исполнении А.Ф. Борисова, который под аплодисменты зрительного зала, эффектно рвал дарственную. В Грибоедовском театре никакой патетики – оставив дочери конверт, отец разворачивается и медленно направляется к выходу – без ничего, с пустыми руками.

Елецкий, увидев конверт, остается в недоумении. Но Тропачева, этого знающего жизнь проныру, громо-



гласного богача и трепача-пустослова, не проведешь. Его многозначительная финальная фраза, обращенная к Елецкому: «Вы благороднейший человек» – красноречивее любых монологов. Он прекрасно понял ситуацию, ведь всем все известно, правду не скроешь.

С этой потаенной правдой Кузовкин уходит. Он-то знает, что идет в никуда, и никогда не вернется. Он уходит туда, где наконец-то может быть рядом со своей любимой. Все остальное для него не существует. Финал спектакля: сцена погружается в темноту – для старика это долгожданная тьма, звучит «Утро туманное», и появляется тень барыни, но уже не с ребенком, а с белым длинным покрывалом в руке или полупрозрачной фатой, которая шлейфом медленно тянется за ней. Она обгоняет Кузовкина, и когда их руки соприкасаются, передает ему покрывало. И он идет вслед за ней в тот сад (или тот свет?), чтоб навсегда остаться рядом. Мы видим, как за ним тянется белой нитью Ариадны нечто прозрачное или призрачное, быть может, саван. Или та нить, которая навсегда соединяет с любимыми, но не в этом уродливом мире, а в ином... И уходит он «туда» абсолютно счастливым – ведь «здесь» дочь поверила ему!

Вера ЦЕПЕТЕЛИ



БЛОКАДА: НЕ ВСЕ МЫ УМРЕМ, НО ВСЕ ИЗМЕНИМСЯ...

К 70-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДА ОТ ФАШИСТСКОЙ БЛОКАДЫ

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся...» Эти слова апостола Павла как нельзя лучше применимы к трагедии, произошедшей в середине XX века, трагедии малоизвестной в нашей стране и в мире: ленинградскому Апокалипсису – блокаде.

Когда, почти три десятилетия спустя после снятия блокады, Даниил Гранин и Алесь Адамович приходили в коммуналки блокадников, их встречали недоверием, нежеланием раскрывать душу, в которую власть плюнула. Люди не верили, что *вся правда* кому-нибудь нужна. Прошедшая цензурные препоны, «Блокадная книга» содержала десятки купюр, но оставалась ошеломляющим документом во многом благодаря дневникам ленинградцев, приведенных в ней.

«Самая большая в мире библиотека, наверное, те миллионы книг, которые сгорели в ленинградских буржуйках», - эта строчка из блокадного письма. Книги сгорели. Но дневники – остались. Эти дневники – блокада из первых уст.

Блокадные дневники ленинградцев – это катастрофа, происходящая здесь и сейчас, это настоящее время, не замутненное «зеркальной, робкой памятью людей» (О.Берггольц) и попытками властей навязать свое видение событий. Эти дневники – данный нам шанс знать, что происходило в осажденном городе, внутри блокадного кольца. Знать, какие муки доставляло людям сознание

того, что нравственные нормы попораны одним коротким словом «голод» и что нет на свете ничего страшнее состояния *расчеловечивания*, которое овладевает человеком помимо его воли и которому, порой, нет сил сопротивляться.

Знание о блокаде – страшное, как падение в бездну, у которой нет спасительного дна, оттолкнувшись от которого можно всплыть.

Но, даже владея фактами, удастся ли нам хоть в некотором приближении понять, *какая духовная борьба* происходила в умирающем городе?

Понять можно то, что можно *представить себе*. Но можем ли мы представить то, что находится за гранью представлений о *человеческом*, о добре и зле? Можем ли мы представить себе, что происходит с человеком в состоянии крайнего и непрекращающегося психологического и физического стресса? Что происходит с человеком, когда в нем перестает работать кантовский «нравственный закон»? В какую беспрецедентную борьбу за сохранение *человечности* вступает человек?

Голоса *страстотерпцев*, звучащие со страниц блокадных дневников, пытаются рассказать нам некую тайну, касающуюся и нас, ныне живущих.

«...Человечеству грозит голод вселенский: обещают смерть 3-4 миллиардов... «демографическая Хиросима»... Какое же вырождение для тех, кто уцелеет (на

чем? на каком мясе?). Не говоря (не говоря!) о муках миллиардов. Урок Ленинграда для человечества, которое все еще живет «по закону» непосредственного опыта и не больше».

Это из записных книжек Алеся Адамовича периода его и Даниила Гранина работы над «Блокадной книгой» (Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Н.С.)

Ну, хорошо. Это об опыте, толком так и не изученном, не осмысленном, но касающемся всего человечества. А сам человек — что же?

«Некрасив человек, умирающий от голода и не надо его делать иным. ... мочится на ходу, кишка прямая выпадает... потому что мышцы съел, мозг свой съел... И уже способен (не он, а голод) броситься на блевотину... Но тем выше наша оценка будет человеческого проявления, если мы поймем, как в такой ситуации человек не хозяин себе перед *таким голодом*».

В своих записных книжках Адамович из блокадного времени постоянно выходит к своему настоящему (1970-е годы), а на самом деле — к нашему сегодняшнему: «Человек несчастен и оттого, что сам себя не знает. И потому вдруг враг себе — как в блокаду... Себе — человеку. И оттого, что обнаруживаете в себе состояния, которые потом забыть не дано, а жить с памятью о них и тревожно, и не хочется. ...*Кто-то сказал: человек таков, насколько он способен, сколько может услышать о себе, понести правды*».

Эту правду мы не дослышали, не понесли. Не сумели осмыслить. И многие другие правды — тоже. Так какие же мы? И сможем ли услышать, понести о себе как о роде человеческом правду, рвущуюся к нам со страниц блокадных дневников?

В начале блокады дневники вести запрещалось. Но многие их вели, ошеломленные новым, небывалым не только вокруг, но и внутри себя.



Ирина Зеленская, заведующая плановым отделом 7 ГЭС (теплоэлектростанция, одна из тех, что подавала тепло в замерзающий город)

Август 1941

...Женщины, уже обжегшиеся на первой, позорно неудачной эвакуацией, упираются, отказываются ехать, потом соглашаются, потом опять отказываются — мука! А я с ужасом смотрю на детей, которые по-прежнему кишат в Ленинграде. Не знаю, сколько их уехало, но на улицах и в трамваях детей не стало меньше. И это — ужасающее непонимание событий!

Сентябрь 1941

Что же это — агония или только тяжелый кризис? Ленинград взят в тиски. По-видимому, уже не осталось ни щелки свободного выхода...

(Эти строки написаны 16 сентября. Ленинградцы не знали, что уже 8 сентября кольцо блокады сомкнулось.

Правда была обнародована лишь 9 ноября. Властями было признано, что «гитлеровские полчища охватили город кольцом блокады». Эта пытка неизвестностью на протяжении всей блокады будет лишь усугублять состояние ленинградцев. — Н.С.)

Ноябрь 1941

...женщина с налитым желтой водой лицом, с запекшимися болячками ртом и носом, передвигающая ноги как механическая кукла: по вершк одну за другой, по вершочку, с такими усилиями все вперед. Мужчина с палкой, мучительно скользкий на снегу подламывающимися ногами, весь серый как земля. Еще женщина, молодая с равнодушным и безжизненным лицом, несет на вытянутых руках небрежно завернутый в одеяло детский трупик со свисающими ногами. ...Еще покойник на телеге без провожатых. На двух связанных детских санках везут сквозной гроб из тонких реек, еще пустой.

...Возобновилась эвакуация заводов и рабочих с семьями, но пешим порядком. ...А как приходилось уговаривать людей 3 месяца тому назад, как все упирались! ...А детей в Ленинграде невероятно много, будто их и вовсе не вывозили. Очень страшно за них.

Декабрь 1941

...Все события идут с такой лихорадочной быстротой... В толпе все чаще встречаются такие страшные, уже мертвые лица. Тут, может быть, и болезнь, и голод, но больше всего страшная опустошенность, именно смерть. На станции умер от истощения маленький зольщик Вася Михайлов. Он ходил до последнего вечера, и у него была также уже нечеловечья заострившаяся мордочка, как у зверька. ...У меня крепко держится все доброе по отношению к людям, которые проявляют хоть каплю мужества и стойкости, в которых жив человеческий дух...

Январь 1942

Жизнь с каждым днем становится страшнее. Каж-



дый день у нас по покойнику. Люди падают и умирают буквально на ходу. Вчера еще молодой парень стоял на вахте, сегодня слег, а на другое утро готов. В сарае лежит пять или шесть скопившихся трупов, и никто как будто их и хоронить не собирается. Умер 1-го января старик Гельдт, тот самый, который месяца два тому назад, плача, рассказывал мне, что они с женой питаются супом из жасминовых листьев. Еще две недели тому назад можно было рассчитывать, что жене его помогут его похоронить, а сейчас никто об этом и не думает, и, наверное, старушка лежит уже рядом с мужем.

Работать на станции становится почти некому. Последние кочегары, которые еще держатся на ногах, выбиваются из сил, стоя по 2–3 вахты подряд.

...А сегодня я зашла в наше деревянное общежитие. Там тоже страшно. Много уволенных каталей, которые уже предоставлены самим себе. Сидят вокруг жаркой



печки с углем, удачники жарят дуранду, одна полупокойница лежит в постели и плачет неживыми слезами. У нее украли последний хлеб. ...Жестокость и разобщенность чудовищные. Все слабые брошены своей судьбе и умирают, умирают тысячами. Не меньше десятка обреченных можно сейчас насчитать среди наших 200 человек. А город в параличе, заводы останавливаются один за другим, трамваи стоят. Нет ни воды, ни света, ни топлива.

...Голод, самый настоящий, убийственный голод навалился на Ленинград. ...Собаки и кошки в страшной цене, встречаются объявления: «Меняю валенки на собаку, меняю роаяль на собаку». В магазинах совершенно пусто. Торгуют только булочные, и для очень многих эти 200 гр. хлеба и вода – единственное питание...

...Станция наша пережила кое-как роковой вчерашний день, когда она должна была стать в холодную консервацию, но тянемся мы буквально от часа к часу. ... Сегодня подсчитали, что мы уже 4 месяца в осаде. Подсчитали, ужаснулись, как-то не вставало это перед сознанием. Еще острее почувствовалась чудовищная расхлябанность всего жизненного уклада. Жизнь точно сочится где-то под толстой корой, тянется, подталкиваемая усилиями немногих волевых единиц, а масса превратилась в первобытное состояние и даже почти не борется, а безропотно погибает. *Любопытно, что совершенно не слышно протестов, никто не ищет виновников этой пропасти. Минутами даже чудится, что эти погибающие люди принимают гибель свою как нечто неизбежное, и только инстинктивно еще оказывают слабое сопротивление, пытаются выменять дуранды или выпросить лишнюю тарелку супа.*

(Как страшно перекликается эта запись со строками дневника Владимира Ге, приведенными ниже. – Н.С.)

...поражает в себе самой: отсутствие настоящего волнения и страха перед этим мором и его жертвами. Как будто эмоциональное существо во мне умерло.

Май 1942

Любопытный разговор с врачом передала мне на днях Лактионова. Меня так поражала необъяснимость с медицинской точки зрения этих многочисленных смертей, которые часто не поддаются никакому объяснению. И вот женщина, военный врач, говорила, что у таких субъектов сердечная мышца в таком дряблом состоянии и настолько неработоспособна, что малейший толчок

нервный или просто недокорм приводит к остановке сердечной деятельности, и что *такое состояние полного истощения сердца является новостью в медицине...*

Май 1942

...Наш старенький бухгалтер Александр Александрович решил расстаться со своими любимыми фоксами, которых он чудом сберег и прокормил зиму, хотя уже не раз выносил им смертный приговор. Чтобы прикончить собак, он привел их на станцию. Здесь охранник должен был их застрелить, а туши хотел взять Борхов, вечно голодный. Но вышло так, что застреленную тощую собачонку оставили на несколько времени без присмотра и ее утащил Новиков, человек, дошедший до полной размагничности уже давно и в очень противной мелочной форме. Его поймали, когда он уже сдирал шкуру с краденой собаки. Алекс[андр] Алекс[андрович] и Борхов пытались предъявить свои права на нее, но остались ни с чем: Новиков вцепился в свою добычу и после всякого вранья просто заявил, что он собаку не отдаст. А когда Борхов интеллигентно ему заявил: «Ведь вы же чужую собаку стащили, так же не делают», - тот ответил: «Теперь все можно»...

Июль 1942

Слушаю передачу объявлений по радио: вновь открыт зоологический сад, производится набор басов в хор радиокомитета, передается репертуар театров и кино – все как будто в порядке. Можно забыть и про осаду? ...А между тем атмосфера где-то сгущается. Надежды на разряжение в ближайшем будущем нет.

Боря Капранов, 16 лет

Декабрь 1941

Проснулся в 6 ч. 15 мин. ...Вставить незачем, и мы рассказываем сны. Я начинаю рассказывать свой сон: «Я сегодня во сне ел белую булку и половину оставил». ...В комнате почти все видят во сне хлеб, так как думают все об одном, ибо все голодны. В разговоре уже участвуют вся комната.

...Я сижу за столом и пишу дневник. Внезапно раскрылась дверь с треском. В комнату вбегает тетя Надя и радостным, необыкновенным голосом кричит: «Слава тебе Господи, хлеба прибавили!»! Сразу все выныривают из-под одеял: «Сколько, сколько»? ...Мама принесла хлеб. Мы сразу же съели по 40-50 гр. с чаем. Я накрошил его в чай и съел несколько тарелок, постепенно добав-

ляя чай. ...В 4 часа обедали. Суп и кашу поделили на 5 человек, грамм по 60 хлеба, по 2,5 ложки вина, по ложке повидла, по стакану пива и тарелке чая. Вот это действительно обед. По такому времени он просто шикарный. ... Действительно, нужно прибавить белого хлеба, так как люди совсем истощились. Недавно на улице одна гражданка шла и упала, потом померла в страшных мучениях. Также на улице упал и умер гражданин от истощения. ... Кладбища завалены, гробов нет, и около кладбищ большие очереди с покойниками, завернутыми в матерю. Помирает очень много, а живые едва ходят. Теперь и мы будем жить, а то еще несколько дней и я бы не выдержал, я чувствовал это, потому что уже едва проходил по коридору, и трудно было поднять подушку. Теперь только будем ждать, только ждать эвакуации...

...Эти дни и дневник вести лень, потому что настроение безразличное и делать ничего не хочется. Эта прибавка принесла мало радости, так как больше ничего нет в магазинах. ...В Ленинграде в день помирают, говорят, от 6 до 9 тысяч человек. ...Только и слышно, что скорей бы увезли из Ленинграда, хоть бы раз поесть вдоволь хлеба и картошки, или чего-нибудь.

Январь 1942

...Сегодня наступил Новый год. Что он нам несет – тайна покрытая мраком. ...Опять я едва таскаю ноги, дыхание спирает и жизнь уже не мила. ...В комнате только и слышно, что об еде. Люди все жалуются и плачут. Что-то с нами будет? Выживу ли я в этом аду?

(Боря Капранов умер в феврале 1942, по пути в эвакуацию. – Н.С.)

Израиль Назимов, врач, в 1941-1942 гг. заведующий райздравотделом Кировского района Ленинграда

Январь 1942

...Смерть вступила в свои права. Она не щадит никого. Рабочий, ученый, ребенок, мужчина, женщина, старик, молодой – никто не может противостоять этому новому бедствию – голоду. Люди падают на улице, тихо и безропотно, в одиночестве умирают дома. На улицах много отечных, еле передвигающихся. Безбелковые отеки. Новый термин – алиментарная дистрофия.

Приступаю к организации стационаров для дистрофиков.

... Ужас, дикий ужас! Голодная смерть! Что может быть трагичнее такого конца?

А что делать с детьми? Как сохранить их жизни? Многие матери теряют чувство материнства. Они, как волчицы, набрасываются на полученные продукты и съедают все, что принадлежит им и их детям. Безропотные, беззащитные они не отстаивают свое право на существование и гибнут...

... Живем как кроты. Почти в полной темноте, если не считать маленького светильника. Электрического освещения жаждем, как солнца. Радио молчит. Нет тока – нет передач. Телефон безмолвствует. Воды в здании Совета нет. Ходим по очереди к водоразборной будке с ведром.

Все уборные в доме Советов забиты, загажены до отказа. Пользуемся улицей...

Посетил б-цу Володарского. При ней мною организован районный морг. Свыше 500 трупов. Большинство мужчин – цветущего возраста...

Трупы до крайности истощены. Обтянутые кожей скелеты. Они какие-то все маленькие щуплые...

...как хотелось бы вкусно и сытно поесть! Хоть один только раз! Какое это должно быть удовольствие!

...Сегодня провел два совещания. Первое в поликлинике – по вопросу налаживания и улучшения санитарного режима во вновь открытом стационаре и второе: введение в яслях, по моей инициативе, четырехкратного питания.

...Население... выливает нечистоты прямо на лестнице, или у входа.

В некоторых домах испражняются в бумагу и через

форточку выбрасывают на улицу. Жители верхних этажей чердаки превратили в уборные. На главных магистралях района такая же картина. Нужно срочно принимать конкретные меры. Приближается весна. Она принесет с собой эпидемические заболевания. Или сейчас, или все наши профилактические мероприятия будут запоздалыми.

...Когда кривая смертности начнет падать? Сегодня в больнице Володарского вновь 500 трупов. 60 трупов случайно обнаружено в одной из баррикад. Трупы, трупы и трупы. Сколько их? Тысячи? – Много, очень много! Они всюду – на улицах и площадях, чердаках и подвалах, в домах и дворах, около ворот и парадных, в выгребных ямах и уборных. Везде и всюду.

...О захоронении в гробах здесь стали забывать. Тряпки, просто наголо раздетые они – трупы или доставляются в морг или просто выбрасываются на улицу. Их можно найти всюду.

... Начальник связи противопожарного управления города на лестнице своего дома, куда он пришел протопить квартиру, был убит двумя ударами молотка по голове. Убийца 17-летний мальчишка.

...Продолжается подбрасывание трупов с вырезанными ягодицами. Этих фактов множество, их не перечислить. Все они свидетельствуют о борьбе за существование, но самыми дикими, безумными способами. В них не находишь облика человека – властелина природы – в них самые низменные инстинкты, характерные для доисторической эпохи, когда человек вел образ жизни ничем не отличавшийся от хищных зверей. Стоимость человеческой жизни оценивается в 100 гр. хлеба... Человеческая мораль – поправа.

... Жизнь в городе постепенно, но верно замирает. ...В одном блиндаже, на Промышленном переулке случайно обнаружено около ста трупов; в б-це Володарского их уже около 700. Вывозить – нет транспорта. Есть много целиком вымерших семей.

... С утра сегодня был в закрытой временно детской больнице. Она осталась безнадзорной. В помещении обнаружил труп, разделанный на части. Череп подростка, расколотый пополам... Какое варварство! Какая бесчеловечность! Как все это понять? *Тот, кому придется знакомиться с этими записками, особенно не бывшими в этот период в городе, - не будет верить всем этим диким фактам, свидетелями коих являемся мы.*

Февраль 1942

...Люди посерели, похудели, отекли. Они, эти люди – герои Ленинграда, ходят, опираясь на посох, но уверенные в Победу. Они ждут ее, и это придает им силы. Как много страданий!

...Сегодня открыл последний стационар для дистрофиков, предназначенный исключительно для медицинских работников. Многие гибнут. Часть врачей прикрепил на питание к столовой РК ВКП(б).

...Идя на работу, около яслей наткнулся на труп женщины. Насильственная смерть.

Что представляет из себя сейчас человек? Где у него высокие, благородные чувства? Где чувство сострадания к ближнему? Его нет! Все вытравлено войной. Жестокая неумолимая действительность!

**Материал подготовила
Наталья СОКОЛОВСКАЯ
(Окончание следует)**

Сергей Ларенков. Фотореконструкции из альбома «Война: эффект присутствия» (СПб., 2014)

В публикации использованы цитаты из книги «Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской» (СПб., 2014), а также из книги «Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда». Полностью текст напечатан в журнале «Звезда» (№2, 2014)

И СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ, И ДЕЛО ДЕЛАЕТСЯ

Вышло в свет очередное издание Международно-культурно-просветительского Союза «Русский клуб» - «Русские волшебные сказки». Так счастливо сложилось, что эта книга продолжила сразу две традиции – во-первых, сотрудничества с замечательными авторами, а во вторых – популяризации русского слова среди молодых грузиноязычных читателей.

Авторами «Русских волшебных сказок» выступили давние друзья «Русского клуба» - филолог, педагог Жужуна Сихарулидзе (Грузия) и художница Миррей Барро (Франция). Пять лет назад в содружестве с ними «Русский клуб» подготовил и издал сказку «Иван Царевич и Серый Волк». Издание положило начало серии «Детская книга». Кстати, в серии вышли «Стихи для детей» А.Барто, «Аленький цветочек» С.Аксакова, «Рождественский подарок» И.Чавчавадзе, «Добрые стихи» Н.Думбадзе (две последние – книги-билингвы на русском и грузинском языках), «Айболит» К.Чуковского, «Сказки Пиросмани» И.Оболенского. Это пособия для чтения – детские издания на русском языке, адаптированные специально для грузиноязычных детей. Книги красочно иллюстрированы и содержат, помимо текстов, русско-грузинский словарь, занимательные вопросы и задания, кроссворды, картинки-раскраски. Составителями сделано все, чтобы процесс чтения и познания был для ребенка увлекательным и радостным. Стоит с особой благодарностью подчеркнуть, что эти книги несут не только просветительскую, но и благотворительную миссию – каждый год, в новогодние праздники, издания серии «Детская книга» получают в подарок более пяти тысяч детей – зрителей праздничных спектаклей Государственного русского драматического театра имени Грибоедова. Напомним, что на показы в дни новогодних каникул «Русский клуб» приглашает учащихся школ из Тбилиси и регионов, а также воспитанников детских домов, детей-инвалидов, детей из многодет-

ных семей и семей беженцев. Поддержку в благородном деле Союзу «Русский клуб» неизменно оказывает Международный благотворительный фонд КАРТУ.

Пособие для чтения «Русские волшебные сказки» предназначено не только для детей. Конечно, малыши тоже с удовольствием прочтут (или послушают, как им читают) сказки из поистине легендарного сборника Александра Афанасьева «Заветные сказки» - «Гуси-лебеди», «Царевна-лягушка», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Сивка-Бурка», «Жар-птица и Василиса-царевна». Но вот задания маленькому читателю осилить будет не под силу, поскольку они предназначены для старшеклассников и студентов (и, конечно, широкого круга всех желающих), которые уже освоили средний и среднепродвинутый уровни русского языка, и продолжают его изучение на более высоком уровне сложности.

Жужуна Сихарулидзе – опытный преподаватель русского языка и литературы в высших учебных заведениях как в Грузии, так и за рубежом, автор ряда учебников и методических пособий. Она профессионально адаптировала оригинальные тексты сказок и составила методически выверенные разнообразные упражнения. Каждая сказка сопровождается 22 заданиями – грамматическими, лексическими, а также направленными на развитие устной и письменной речи. Примечателен принцип построения упражнений – они направлены и на понимание, и на повторение и закрепление изучаемого материала. Кроме того, пособие содержит комментарий сказочных формул, символов и фразеологизмов, лексический комментарий и русско-грузинский словарь. Таким образом читатель может ознакомиться не только с прямым переводом русских слов на грузинский язык, но и с развернутым объяснением образов, эпитетов и устойчивых выражений, встречающихся в русских народных сказках.

Автор иллюстраций «Русских волшебных сказок» - Миррей Барро. Выпускница Высшей Парижской школы искусств, супруга дипломата Кристиана Барро, она долгое время провела за пределами Франции. Как признается сама художница, в каждой стране находила источники вдохновения – грузинскую эмаль, китайский фарфор, украинские писанки, английские парки, тунисскую мозаику... Миррей Барро – автор росписей на шелке для костюмов к балету В.Нижинского «Весна священная» в Национальном оперном театре Сан-Карлуш в Лиссабоне и к балетам «Коппелия, или Девушка с голубыми глазами» и «Маркитанка» в Тбилисском театре оперы и балета (совместно с Изабель Бартело). Кстати, техника живописи на шелке отличается особой сложностью и требует исключительной точности рисунка.

В иллюстрациях к «Русским волшебным сказкам» художнице удалось главное – передать атмосферу сказочного повествования, детского и волшебного одновременно. Рисунки подчеркнуты просты, незамысловаты, но красочны и ярки, и несут в себе то светлое и радостное чувство, без которого и читать скучновато, и учиться трудновато.

Стоит привести обращение к читателям, которым авторы предваряли «Русские волшебные сказки»: «Дорогие друзья! Приглашаем вас в путешествие! Вы побываете в мире русских волшебных сказок. Этот мир – особый, он мало похож на реальный, в нем нет привычного для нас времени и пространства. Сказочные герои не рассуждают, а действуют – переживают удивительные приключения, выпутываются из самых сложных ситуаций, спасаются сами и спасают других, а еще – обретают заслуженное счастье. Давно известно – если хочешь узнать характер народа, почитай его сказки. Именно они отражают подлинный дух нации. Вы убедитесь, что русская сказка является воплощением добра и справедливости. Сказки развлекают, но и учат. Эта книга не только заполнит досуг занимательным чтением, но и станет для вас учебным пособием – вы заметно расширите и углубите ваши знания. Желаем интересного путешествия в русский язык и русскую сказку!»





▲ Нино Циклаури на дистанции



▲ Ясон Абрамашвили

ШАГ ДОБРОЙ ВОЛИ

Олимпийский девиз «О, спорт, ты – мир!», здравый смысл и добрая воля взяли верх над политической конъюнктурой – спортсмены Грузии отправились в Сочи на XXII зимние Олимпийские Игры. Их четверо – в соответствии с лицензиями, полученными в прошлом году. Самая именитая из них – фигуристка, обладательница бронзы чемпионатов Европы 2010 и 2012 годов Элене Гедеванишвили. Кроме нее, в сборной горнолыжники Нино Циклаури, Ясон Абрамашвили и Алекси Бенианидзе, дебютант Олимпийских Игр. А вот правительственная делегация Грузии в Сочи не поехала, это невозможно, поскольку между Грузией и Россией нет дипломатических отношений.

«Решение принять участие в Олимпиаде было для грузинской стороны очень непросто, - заявил премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили в статье, опубликованной журналом «Россия в глобальной политике» за 10 дней до начала Олимпиады-2014. - Ведь Игры проходят вблизи грузино-российской границы, Абхазии. Большинство населения этого региона – грузины – до сих пор находятся в изгнании. И спустя более

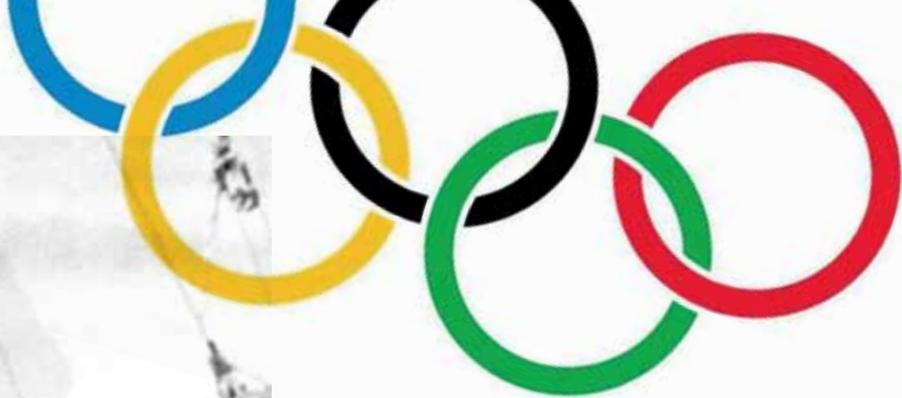
20 лет после окончания трагического конфликта они до сих пор не могут вернуться в свои дома. И все же, грузинские спортсмены направляются в Сочи. Наш аргумент состоит в том, что при политизации спорта больше всего страдают спортсмены. Мы также уверены, что наше решение – это шаг доброй воли в адрес международного сообщества, олимпийского движения и российского народа. И, конечно, своим участием мы подчеркиваем нашу твердую приверженность принципам мира и стабильности в регионе Кавказа. Более того, мы предложили российской стороне сотрудничество в обеспечении безопасности Сочинской олимпиады... Решению о направлении грузинских спортсменов в Сочи безусловно способствовали определенные позитивные результаты в формате двустороннего грузино-российского диалога, начатого по инициативе правительства «Грузинской мечты» в конце 2012 года».

Комментируя решение грузинского правительства от имени Национального олимпийского комитета его пресс-секретарь Кахабер Беридзе заявил, что НОК еще в мае 2013 года принял решение участвовать в Играх, исходя из спортивных соображений. Что ж, действительно, официальный и полный бойкот Олимпийских Игр автоматически привел бы к самым суровым санкциям со стороны Международного олимпийского комитета.

Всего в делегации Грузии – 19 человек. Помимо четырех спортсменов это, естественно, тренеры Гера Абрамашвили, Джованни Лазарини и Гислен Брайанд. Среди официальных лиц – президент НОК Грузии, руководитель делегации олимпийский чемпион Лери Хабелов и сопровождающий его Автандил Майсурадзе, генеральный секретарь НОК Эмзар Зенаишвили, вице-президент НОК, руководитель «Олимпийской деревни» Мамука Хабарели, спонсор НОК российский бизнесмен Петре Цанава, полностью экипировавший нашу делегацию, администратор Русудан Аnciaури, пресс-атташе НОК Кахабер Беридзе, генеральный секретарь Федерации горнолыжного спорта Грузии Георгий Цагарели, президент Федерации фигурного катания Грузии Мариам Гиоргобиани. В официальную делегацию включены три журналиста Тенгиз Гачечиладзе, Тенгиз Пачкория и Тамуна Кулумбегашвили.

«Я, как оптимист, всегда говорю, что в спорте может произойти все, что угодно. Каждый спортсмен имеет шанс побороться за хорошие результаты. Конечно, борьба за медали будет очень сложной... Уверен, наши спортсмены выложатся по максимуму», - заявил перед отъездом Мамука Хабарели.

Соб. инф.



▲ Валентин Манкин и Гурам Биганишвили

ЖИЗНЬ ПОД ПАРУСОМ

Представим на минуту чувства олимпийца, высаженного из лодки за день до начала парусной регаты.

Гурам Биганишвили вместе с Валентином Манкиным в июле 1980-го выиграл «Балтику», но спортивные начальники дали рулевому «Звездника» другого шкотового, Александра Музыченко, нарушив главный принцип яхтенного спорта – победить в честном и благородном поединке со стихией.

Дублер Биганишвили стал победителем Московской олимпиады, но полного преимущества над соперниками новый экипаж не имел, хотя и победил, единственный среди советских лодок, выступающих дома, на балтийской воде.

Несправедливость ломает слабых и закаляет дух сильных.

Пришел к Гураму с извинениями Манкин, теперь уже трехкратный олимпийский чемпион (до этого он был первым в Мехико в классе «Финн» и в Мюнхене на «Темпесте»), и сказал: «Если не возражаешь, буду твоим тренером». Привез в Сочи лодку, стали готовиться к Играм в Лос-Анджелесе.

Но вскоре Манкин уехал, забрав лодку. Биганишвили остался со старой. И с парусами, годными разве что для тренировок.

В Сочи приехали олимпийцы ФРГ. Просят одолжить яхту в обмен на комплект новых парусов. Ситуация как в сказке про дудочку и кувшинчик. Делать нечего – Гурам пересел в худшую лодку, продолжил тренировки.

В тот олимпийский цикл и позже он выиграл все регаты, в которых участвовал. Дважды стал чемпионом страны (1982, 1984) и обладателем Кубка СССР (1983, 1986). Манкин пришел снова и предложил: «Будем вместе работать».

Гурам Биганишвили – первый номер в сборной, но чудеса продолжаются. Команда уезжала на соревнования, а его «забывали» дома.

В 1983 году в Португалии – открытое первенство Европы с участием американцев, очень сильных в «Звездном классе», на этой чисто американской лодке.

Манкин везет яхту на машине, звонит в тревоге: «Не выдают мне паспорт». Гурам спешит на выручку. На европейской регате он двенадцатый, но именно первую дюжину отмечают призами у яхтсменов.

Только успели свернуть паруса, через неделю там же открытие чемпионата мира. Говорит начальнику команды Тимиру Пинегину, первому советскому олимпийскому чемпиону в Риме в классе «Звездный»: «Останемся». Тимир Алексеевич не соглашается. В Москве, увидев их,



▲ Победители международной регаты «Дружба-84» Гурам Биганишвили и Александр Зыбин. Таллин



▲ Гурам Биганишвили

удивились, как это можно уехать с чемпионата мира.

Грех обижаться на олимпийского чемпиона.

В Риме бессменному матросу Шуткову удалось прервать серию побед итальянских и американских водителей парусных судов. На просторах Гольфо ди Наполи – Неаполитанского залива.

Неаполитанцы не скрывали, что заранее отдают золотую медаль своему земляку и кумиру из яхт-клуба «Посиллипо» Агостино Страулино и его шкотовому Карло Роланди. Агостино стал олимпийским чемпионом в Хельсинки, а через четыре года в Мельбурне стал серебряным призером все в том же «Звездном классе», и на этот раз не скрывал честолюбивых планов в споре с сильнейшими яхтсменами мира. Но его ждало разочарование – уже к середине олимпийской регаты вопрос победителей был решен в пользу советского экипажа. Сенсация?

Послушаем самого Агостино: «Честно говоря, в начале Олимпиады я не считал Тимира Пинегина столь опасным соперником. Даже после первой гонки, которую он выиграл, я продолжал оставаться при своем мнении. Однако русский гонщик оказался таким великолепным мастером, что сумел опровергнуть все расчеты и прогнозы. Он доказал свое умение одинаково хорошо идти и в группе, и в одиночку, и на полном курсе, и на лавировке. Я теперь считаю себя его поклонником. Парусники часто говорят: этому повезло, а тому – нет. Я должен сказать, что Пинегин всегда выбирает самое «везучее» направление. Он непревзойденный тактик».

После победы советского «Звездника» было высказано мнение, что этим успехом он обязан своей американской лодке, на что дал убедительное разъяснение Тимир Алексеевич в интервью корреспонденту американско-



▲ Идет подготовка к Барселонской олимпиаде

го агентства Ассошиэйтед Пресс: «В самом деле, наш «Торнадо», построенный на известной американской верфи «Олд Гринвич», идет великолепно. Но не нужно забывать, что яхта Агостино Страулино построена той же самой верфью и тоже в 1956 году».

Интересная подробность: после четырех олимпийских гонок Пинегина с Шутковым от ближайшего конкурента отделило 1800 очков, а на минувшем чемпионате СССР 1960 года на том же «Торнадо» их преимущество над соперниками, идущих на отечественных яхтах, составляло всего сто очков. Что касается ссылок на попутный ветер, который якобы благоволил их голубым парусам, то попутный ветер был для всех, но не у всех, его надо было ловить, и одни ловили более удачно, другие – менее.

И еще немного истории. В Хельсинки, на дебютных для советских спортсменов Олимпийских Играх отечественные лодки оказались среди аутсайдеров, через четыре года – переместились на позицию середняков. Вот тогда командор мельбурнского яхт-клуба, отметив, что у советских яхтсменов есть будущее, заявил: чтобы стать наравне с призерами Олимпиады, им, дескать, потребуется на это не меньше пятидесяти лет. После четырех лет, в Риме можно было сказать бравому командору: как быстро летит время!

По результатам гонок в Неаполитанском заливе 14 советских спортсменов, выступавших на пяти лодках, заняли второе место в командном зачете, уступив пять очков датчанам. Но опередили американцев, норвежцев, итальянцев, греков, аргентинцев – всего 18 команд. Кроме «золотого» успеха «Звездника», серебряная олимпийская медаль на счету Александра Чучелова в классе «Финн» и шестое место Александра Шелковникова и Виктора Пильчина («Летучий голландец»).

Но что это мы все о Риме, куда, как известно, все дороги ведут?

Время вернуться к нашему герою.

В 1984 году Биганишвили стал чемпионом Европы. Выдающееся достижение! Факт, но с 1932 года в классе «Звездный» только дважды выигрывали европейское первенство советские экипажи – Манкина (1979) и его, Биганишвили (с Александром Зыбиным).

В Москве его встречали звание заслуженного мастера спорта СССР и девять генералов Министерства обороны в аэропорту «Шереметьево-2». Эта победа, оказывается, вывела ЦСК ВМФ на первое место по итогам года, потому и встречали, как космонавтов.

Переживал он тогда, чувствовал, что достиг пика формы, а время уходит, его время.

Олимпиаду в Лос-Анджелесе Кремль бойкотировал. Но и на следующей, в Сеуле, Гурама Биганишвили снова не было. Выиграл международную регату в Таллине, а ему говорят: «Отправляйся в Севастополь. Будешь там отбираться в «Звездном». Две недели прошли впустую, спрашивает, когда же отбор. Тренеры отводят глаза. В конце концов, с олимпийской командой в Сеул уехали ленинградец и минчанин, чемпионы Европы среди молодежи, но в классе «Финн».

Гурам работает три года гонщиком-испытателем в американском городе Сан-Диего, в фирме «Норд сейлс», лучшей в мире по пошиву парусов, а мысли все чаще обращаются к Барселоне, к Играм-92.

В Москве он узнает, что на «Звездный класс» претендует Виктор Потапов, капитан 2 ранга, двукратный чемпион СССР (1970, 1971), бронзовый призер Мюнхенской олимпиады (1972) в классе «Финн».

Срочно созвали тренерский совет. На заседание кавторанг пришел в парадной форме, держится хозя-

▼ Тимир Пинегин





▲ **Яхтсмены в своей стихии**

ином. К счастью, в Москве находились Кахи Асатиани и Джано Багратиони, наше спортивное руководство. Узнали о гурамовых затруднениях, пришли на заседание.

Багратиони спрашивает: «А почему здесь присутствует спортсмен? Вызовите и наш экипаж – сравним физические данные рулевых». Входит Биганишвили, широкий в плечах, как трехстворчатый шкаф, еле протискивается в двери. Все засмеялись, и вопрос решился в его пользу.

Но потеряна неделя. В Барселону приехал за два дня до начала олимпийских гонок. Еще один день ушел на обмеры лодки, проверку парусов и снаряжения. Один день на все – знакомство с условиями, тренировку.

В первых двух гонках он с Володией Груздевым – 24-е и 19-е. Их старые паруса «не везут».

Спешит рулевой Биганишвили к пирсу сменить паруса на одолженные запасным участником германской команды. В заключительных трех гонках им удается улучшить результаты – они четвертые, пятые, шестые. Итоговая сумма – 13-я, остановились в шаге от призового места. Проведи они первые две гонки в полную силу, олимпийская медаль была бы обеспечена.

Чемпионом Олимпиады стал американский друг Гурама – Марк Рейнольдс со шкотовым Халом Хенелом. Рейнольдс, владелец парусной фирмы, приехал за два месяца до открытия Игр, изучил условия, сшил паруса и обыграл соперников как детей.

На Олимпиаде в Атланте экипаж Биганишвили-Груздев впервые выступал под флагом независимой Грузии, как и вся наша спортивная делегация. Опять же подвела бедность – пока приехали на Олимпиаду, обещанную испанским гонщиком Доресте яхту арендовал аргентинец. Пришлось брать, что другим негоже. И как следствие – итоговое 16-е место. Пожалуй, только восьмая и девятая гонки (они девятые и пятые) показали действительные возможности грузинского экипажа.

Так вспоминал Атланту при нашей давней встрече 20 мая 2000 года Гурам Биганишвили, президент национальной федерации, признанный мастер парусного спорта, которому накануне исполнилось 50 лет. Он тогда, в олимпийском году, оставался желанным участником самых престижных регат.

Участник нашей беседы Нугзар Давлянидзе, многократный чемпион Грузии, призер первенства СССР в классе «Солинг», высказался предельно точно о своем друге: «Не вижу сильнее яхтсмена на постсоветском пространстве. И сравнивать его можно только с Валентином Манкиным. Это по предложению Манкина Гурам пересел с «Финна» на «Звездный» - кому не лестно иметь в лодке двух рулевых».

Потом мы отправились на Тбилисское море. Здесь, на «домашнем» море, Гурам Биганишвили в начале семидесятых вместе с Зурабом Майсурадзе, своим первым тренером и верным другом на всю жизнь, осваивал азы парусного спорта и рыцарский кодекс чести шкиперов, этих математиков в тельняшках и романтиков моря, окрыленных яхтами.

Арсен ЕРЕМЯН

▼ **Г.Биганишвили**



▼ **В.Груздев**





▲ В этом доме П.Чайковский жил в Тифлисе

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

Покосившиеся и потрескавшиеся стены в конце этой недлинной, крутой тбилисской улочки способны испугать случайного прохожего или гостя города, направившего свои стопы к горе Мтацминда. Жители же района не столь боязливы – они привыкли. И, если спросить их о здешних достопримечательностях, они первым делом назовут дом с мемориальной доской как раз в конце улицы. Пару десятилетий назад в достопримечательностях также числились главная пожарная команда города, знаменитая физико-математическая школа и районный суд. А еще тысячи кинозрителей видели эту улицу в щемящей картине Резо Чхеидзе «Ну, и молодежь!» («Гимилис бичеби»). Именно по ней поднимались, уходя на фронт, юные герои фильма...

Сейчас вместо пожарной команды №1 – заброшенные остатки многолетней стройки, напоминающие сталкеровскую Зону братьев Стругацких. Здание районного суда элементарно рухнуло. И не только под грузом судебных грехов – оно было в том же состоянии, что и обветшавшие окрестные дома. Фильм Чхеидзе попросту неизвестен нынешним поколениям зрителей. Ну, а дом №16 с полустертой надписью мемориальной доски и треснувшими стенами стоит, продолжая вызывать

удивленные восклицания приезжих: «Как, и он тоже жил в Тбилиси?!» Да, здесь жил Петр Ильич Чайковский. И был очень доволен этой жизнью.

Правда, в надпись на памятной доске вкралась ошибка – великий русский композитор жил в этом доме не только в 1890 году. Тогда был его последний приезд, а до этого на улице, ныне носящей его имя, он останавливался еще четыре раза. Началось же все с того, что в 1885-м из Москвы в Грузию переводится прокурором Тифлисской судебной палаты Анатолий Чайковский. Поселяется он в небольшой квартире дома, принадлежащего на Консульской улице чиновнику МВД Михаилу Тебенькову.

И такие, говоря нынешним языком, силовики были в те времена, что общие интересы у них оказываются не только в правоохранительной, но и в культурной сфере. Анатолий Чайковский владеет игрой на скрипке, увлекается театром, на короткой ноге со многими известными актерами, сам играет в любительских спектаклях, в том числе и в столице Грузии. Свой он и в музыкальном мире, в Тифлисе даже избран членом дирекции Музыкального общества, а как скрипач участвует в камерных ансамблях. И все это, отметим, не помешало ему дослу-



▲ Петр Ильич Чайковский в Тифлисе. 1886

житься до должностей Тифлисского, а затем Ревельского и Нижегородского вице-губернатора. А господин Тебеньков редактирует газету «Кавказ», да еще настолько увлекается историей, что создает несколько серьезных монографий. Карьеру же завершает не только почетным мировым судьей Тифлисского окружного суда, но и исполняющим обязанности главного редактора петербургского «Сельского вестника».

Так что, можно понять, почему столь комфортно жилось в доме таких людей еще одному правоведа по образованию – брату прокурора, Петру Ильичу, прославившемуся отнюдь не на поле юриспруденции. Многочисленные письма композитора, который, кстати, был силен и в эпистолярном жанре, свидетельствуют: в Грузии, в Тифлис его влекли не только природа и колорит, но и тот круг интеллигенции, в котором он вращался.

Впервые он приезжает к брату в апреле 1886-го, сразу окунувшись в светскую жизнь. Дом на Консульской пышен и гостеприимен. Невестка, жена брата Праксовья, по семейному «Паня» - одна из первых красавиц города, в ее гостиной – балы, спектакли, концерты, центр литературной жизни. А еще Петр Ильич приглашается на приемы и карточные сражения, званые обеды и любительские спектакли в другие блестящие дома. В общем, не жизнь, а праздник. А вот первые впечатления о самом Тифлисе: «Город восхитительно живописен... Главные улицы очень оживлены, магазины роскошны и совсем Европой пахнут. Зато, когда я зашел сегодня в туземный квартал (Майдан), то очутился в совершенно новой для меня обстановке. Улицы необыкновенно узенькие, как в Венеции; с обеих сторон внизу бесконечный ряд лавчонок и всяких ремесленных заведений... Тут же и хлебопекарни. И какие-то съестные лавочки, в коих что-то пекут и жарят. Очень любопытно и оригинально», «В общем, Тифлис мне очень по сердцу»... Он много ходит по городу, часто гуляет в саду Муштаид, бывает на службе в Сионском соборе: «Теперь я уже хорошо ознакомился с Тифлисом и все наиболее замечательное видел. Был в здешних банях, устроенных на восточный лад, посетил наиболее замечательные церкви... был также в монастыре Давида, на горе, где похоронен Грибоедов...», «...Разнообразие прогулок боль-

шое. Изучил Тифлис гораздо лучше многих, постоянно живущих здесь». А после прогулок «занимался чтением и работой».

Ну и, конечно, встречи, так сказать, по специальности: «...Провел один вечер в концерте Музыкального общества... В Тифлисе живет несколько хороших, выдающихся музыкантов. Из них особенно выдаются Ипполитов-Иванов, талантливый композитор, и Корганов, армянин-пианист, бывший ученик Московской консерватории. Они оказывают мне всяческое внимание, и хотя я предпочел бы быть здесь инкогнито, но не могу не быть тронутым выражениями сочувствия и любви со стороны собратов по искусству. Вообще я не ожидал, что в Тифлисе мою музыку так хорошо знают. Оперы мои здесь играют больше, чем где-либо, и особенно «Мазепа» имеет большой успех. Все это мне очень приятно и подкупает меня в пользу Тифлиса, который и без того мне очень нравится». В дневнике его – записи о концертах, музыкальных вечерах и в больших залах, и в светских гостиных. Ну, а главное событие – торжество 19 апреля в Тифлисском театре.

Газета «Кавказ» в №104 называет этот вечер «экстренным концертом Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества, устроенным в честь дорогого тифлисского гостя, талантливейшего из современных русских композиторов». Исполняются «исключительно произведения виновника торжества», которому отведена директорская ложа, украшенная его вензелем, гирляндами лавра и лирой. «Театр, где состоялось его чествование, был убран зеленью и цветами, ложа, в которой помещался с семьей дорогой гость, вся утопала в ландышах, их мы выписали из Кутаиса целый вагон», - делится впечатлениями организатор вечера, композитор и дирижер Михаил Ипполитов-Иванов. Зал начинает заполняться за час до начала, и к назначенным восьми переполненный театр «представлял особенно торжественный и элегантный вид». Ничего не скажешь, умел Тифлис любить: кому-то – миллион алых роз, кому-то – вагон ландышей!

Приветствуя гостя, музыкальный и общественный деятель, меценат Константин Алиханов, подчеркивает: «Наша небольшая музыкальная семья, как и вся музыкальная Россия, давно знакома с вашим славным именем и, по справедливости, считает вас творцом русской национальной симфонии». Чайковскому преподносят его портрет в серебряной оправе в виде лаврового венка, затем вручаются и настоящие венки, «на лентах которых отпечатано, от представителей какой именно отрасли музыкального искусства они поднесены». В завершение – сам «экстренный концерт», длящийся до полуночи. И именно на этом концерте происходит то, что сегодня называют мировой премьерой – впервые в истории с тифлисской сцены звучит третья и окончательная редакция увертюры «Ромео и Джульетта».

И снова слово Ипполитову-Иванову: «Все прошло чрезвычайно гладко, и праздник удался на славу, закончившись блестящим банкетом. 25 апреля, в день рождения Петра Ильича, наш праздник продолжался. Оперная группа возобновила «Мазепу», и овации по адресу автора приняли тот бурный характер, какой умеет проявлять только восторженная южная молодежь». А Чайковский растроганно «благодарил артистов за реабилитацию его оперы, которая так незаслуженно равнодушно была принята публикой столичных театров». В общем, не только светской, но и музыкальной стороне тифлисской жизни есть, чем порадовать композитора. Тем более, что именно здесь он начал работать над пер-



▲ Анатолий Чайковский

выми набросками оперы «Чародейка».

Но кончается апрель, а вместе с ним и первое пребывание Петра Ильича в Грузии. Послушаем его признание Ипполитову-Иванову, с которым он подружился. «Месяц, проведенный мною в Тифлисе, принадлежит к самым радостно-светлым, проведенным мною в жизни... Я вспоминаю Тифлис с особым удовольствием... Попаду ли в Тифлис осенью или зимой, пока еще ничего не знаю. Очень, очень бы хотелось, и надеюсь, что так оно и будет. Лишь бы только дожить, да здоровым быть, а что меня тянет в Тифлис сильно и что, так или иначе, я там буду – не подлежит сомнению».

Ни осенью, ни зимой приехать не удастся, в доме на Консульской композитор появляется лишь в июне следующего года, да и то ненадолго. Основное время этого приезда проведено в Боржоми. В Грузию он отправляется по Волге – до Каспия, а там – через Баку. Нам стоит заглянуть в салон первого класса волжского парохода, чтобы увидеть необычное проявление популярности Чайковского. Вот на импровизированном музыкальном вечере пассажиров никем не узнанный Петр Ильич вызывается аккомпанировать даме, поющей его романс. Но той аккомпанемент не нравится, и на робкое возражение автора она заявляет, что «лучше знает, так как сам Чайковский проходил эти романсы с ее учительницей». Вот другой пассажир рассказывает Петру Ильичу, как Чайковский настолько восхитился тифлисским исполнением «Мазепы», что рыдал на его плече... Ну а в июньской жаре Тифлиса уже не до юмора. После нескольких дней светского общения композитор, вместе с семьей брата, уезжает в прохладу Боржоми.

Там врачи рекомендуют ему пить минеральную воду и принимать ванны – чтобы привести в порядок здоровье, особенно желудок. Делать все это инкогнито невозможно, и Чайковский оказывается в центре внимания отдыхающей публики. Курортники осаждают его целыми днями, он скрывается окольными путями, но в узком кругу светская жизнь продолжается, а основное вечернее развлечение – партия в винт. И при всем этом Петр Ильич находит время, чтобы работать над сюитой

для оркестра «Моцартиана». Мысль о ней вынашивалась уже три года, а тут, в Грузии, работа пошла вовсю. Что же касается Тифлиса, то для него именно в Боржоми композитор делает великую вещь. Он пишет императору Александру III ходатайство о выделении денег на завершение строительства нового Оперного (Казенного) театра вместо сгоревшего в 1874 году. Просьба эта возымеет эффект: благоволящий к Чайковскому царь дает распоряжение о выделении средств.

А Петр Ильич торопится из Грузии – в Аахене умирает его друг. Так что, в Тифлисе он не задерживается. Приехать снова собирается в ноябре, однако поездка по Европе с концертами, которыми он дирижирует, перечеркивает эти планы. Но в следующем 1888 году в газете «Кавказ» 14 июля можно прочесть: «Находящийся в Тифлисе П.И. Чайковский, как мы слышали, занят подробным описанием своего последнего артист. путешествия по Зап.Европе. Статья появится в одном из наших толстых журналов». Петр Ильич действительно гостит у брата с 25 марта по 20 апреля, но никаких путевых заметок для толстых журналов не оставляет. И не только для местных – его «Автобиографическое описание путешествия за границу» было издано лишь посмертно, Чайковский стеснялся саморекламы.

А свой третий приезд в Тифлис он объясняет тем, что хотел отдохнуть и привести в порядок мысли. «Приехал сюда после двухнедельного путешествия... Устал очень, но... чувствую себя дома и это ощущение приятно», - признается он. Мы же заглянем в дом, который, по словам музыковеда Василия Корганова, завещан «городу Тифлису старухой Шиеовой, на углу Головинского проспекта и Давидовской улицы». Это здание Музыкального кружка. На его месте, на углу нынешних Руставели и Бесики потом появилось новое, в дальнейшем принявшее Дом офицеров.

Весной 1888-го здесь идет репетиция любительского концерта. Корганов дирижирует «игрою восьми девиц в 16 рук на 4 роялях». Точно в тот момент, когда начинают играть «Песню без слов» (Souvenir de Hapsal, опус 2) Чайковского, в зал входит группа организаторов концерта и... Петр Ильич. Корганов, у которого «рука задрожала, в глазах потемнело», машинально продол-

▼ С членами Тифлисского музыкального кружка. 1888





▲ Банкет в Ортачалъских садах. 1889

жает махать палочкой. Именитый гость подходит к нему при последних звуках пьесы: «Позвольте познакомиться, Чайковский... Что же вы машете под пюпитром, у самого пола. Ведь дамы не видят вашей палочки». Услышав в ответ искреннее: «Хорошо еще, что я сам не полез под пюпитр и не растянулся на полу», предлагает прийти нему и протудировать все три пьесы. Девичам делает комплимент: «Дамы хорошо разучили свои партии. Все пойдет отлично. Надо только отделить кое-что». И, отвесив поклон, уходит, оставив всех в «самых растрепанных чувствах». Резюме Корганова: «Кое-как мы окончили эту репетицию и разошлись с тем, чтобы собраться на следующую, в ближайшее воскресенье, когда я явлюсь уже в качестве «ученика Чайковского».

Они встречаются еще, гуляют по городу, беседуют, и в этих беседах проявляются натура и взгляды Чайковского. Он расхваливает местную природу, климат, общество, сообщает, что, поработав до полудня, ходит в сад Муштаид, «с которым просто сроднился», признается, что не выносит азиатской музыки, рекомендует привлекать знаменитых исполнителей для улучшения посещаемости концертов, рассказывает, как трудно ему появляться на сцене. «...Но лишь только я пытался перейти к беседе на музыкальные темы, выражение лица его становилось сумрачным, и он отвечал такими отрывистыми фразами, точно хотел отвязаться от назойливого спутника», - огорчается Корганов. В тот приезд Петр Ильич берется за работу над Пятой симфонией, в записной книжке появляются эскизы ее тем, программа работы. А, уже уехав, в октябрьском письме Ипполитову-Иванову признается: «Так и или иначе, но знаю только одно: смертельно хочется в Тифлис».

Надо ли удивляться, что в апреле 1889-го он снова появляется на берегах Куры? Работать ему практически не удастся в течение всех 18 дней – в доме брата полно гостей, желающих познакомиться со знаменитостью, со всех сторон сыплются приглашения в гости. В дневнике даже появляется запись: «Неудачное желание одиночества». Приходится сдаться на волю гостеприимных тифлисцев. Откроем номер «Кавказа» за 29 апреля: «В воскресенье, 30 апреля, в 1 ч. дня в Артистическом Обществе состоится музыкальное утро в честь новоизбранного члена Арт. Общества П.И.Чайковского из его произведений. Потом состоится обед в саду Харазова. Участвуют только члены Арт. Общества, несколько лиц, близких П.И. Чайковскому, и артисты, участвующие в

концерте».

Концерт проходит, как и полагается – «элегические романсы», «прелестное трио», виновник торжества в первом ряду, приветственная речь драматурга и поэта, одного из организаторов Артистического общества Александра Опочинина. А потом «компания, человек сорок, поехала на фэтонах» на главную часть программы – застолье, в одном из знаменитых Ортачалъских садов. Во главе длинного стола под деревьями – Чайковский и жена Ипполитова-Иванова, замечательная певица Варвара Зарудная. Остальные рассаживаются «по своим музыкальным и общественным рангам». Тамада – еще один правовед, член Судебной палаты Валериан Карнович провозглашает тосты, Опочинин читает экспромт, восхваляя «То море звуков, лес гармоний,/ Что в ряде опер и симфоний/ Твой славный гений дал нам в дар». И на похвалы за этот стих отвечает под общий хохот: «Мой «экспромт» вы находите удачным; недаром, значит, я присидел за ним два вечера».

А застолье идет своим чередом, о чем свидетельствует Корганов: ««Произносилось немало речей и тостов; болтовня шла также подобающая обстановке; было выпито немало кахетинского вина... Некоторые из присутствовавших подносили Чайковскому листочки бумаги, другие, более предусмотрительные, - его фотографические портреты, а Сараджев – свою белую фуражку, с просьбой получить на ней автограф карандашом». Веселье запечатлевает фотоаппаратом «один из главных деятелей юного Артистического общества, инженер путей сообщения, скрипач-дилетант, кн. Иос. Зах. Андроников». Он же делает и другие уникальные снимки – 2 мая, когда уезжающего Петра Ильича брат с друзьями сопровождают до «Белого духана» на шестой версте от Тифлиса.

Следующий, он же последний приезд – самый продолжительный, с 10 сентября по 22 октября 1890 года. Композитор предвкушает его еще под Москвой: «Трудно выразить до чего я душою стремлюсь в Тифлис. Даже мне самому странно, на чем основана моя совершенно исключительная симпатия к этому городу». На этот раз он не только присутствует на исполнении своих произведений, но и сам выступает, дирижируя симфоническим концертом. Он настолько волнуется перед этим выступлением, что друзья принимают его отвлекать – везут

▼ Василий Корганов





мою живейшую признательность. Инструмент этот был для меня неоцененным пособием при сочинении последнего моего произведения «Воевода» (баллада для оркестра). Примите уверение в искренней моей благодарности». Думаю, что это уверение можно отнести и ко всем тифлисцам, встретившимся на пути композитора. А вот и последний документ, связанный с его пребыванием – №281 газеты «Кавказ»: «Во вторник, 23 октября, П.И. Чайковский выехал по Военно-Грузинской дороге. До Мцхета его провожали многие почитатели».

На этом можно было бы отойти от тифлиских стен, помнящих Петра Ильича. Тем более что в том же 1890-м их покинул и его брат Анатолий, переведенный в Ревель.



▲ Проводы П.Чайковского из Тифлиса в 1899 г.

в любимый им Ботанический сад, показывают великана в одном из балаганов, катают на каруселях, «что очень его развлекло», а потом укладывают спать. О результате этих усилий рассказывает Ипполитов-Иванов: «Весь концерт прошел в бесконечных овациях любимому композитору и дирижеру; оркестром он остался очень доволен, и я торжествовал, так как все его комплименты в отношении оркестра косвенно относились и ко мне». Дело в том, что вся подготовка концерта легла на плечи автора этих слов. Удастся и немusыкальная часть: Чайковский получает диплом почетного члена местного Музыкального кружка, дирижирует преподнесенной ему палочкой из слоновой кости, его засыпают цветами, а вечер, естественно, заканчивается «парадным ужином в Артистическом обществе с рядом сердечных речей, тостов и приветствий».

Те осенние дни проносятся быстро. Но заполнены они не только традиционными для тифлисской жизни композитора встречами, прогулками, приемами. Прочтем письмо владельцу музыкального магазина Баграту Мириманяну, написанное 22 октября, за день до окончательного расставания с Грузией: «Возвращая вам рояль фабрики Дидерихса за №4336, коим в течение шести недель, проведенных в Тифлисе, благодаря вашей любезности я пользовался, - считаю долгом выразить вам

Но как не вспомнить, что в них он не только написал уже перечисленное, но и начал работать над «Спящей красавицей» и «Иолантой», а в арабском танце «Щелкунчика» использовал мелодию грузинской колыбельной «Иавнана»... Как не прочесть письма, которые продолжали приходить к друзьям, живущим в этих стенах, и в последующие годы. Чайковский интересуется возможностью дирижировать в Грузии за небольшой гонорар, спрашивает, как идет строительство Оперного театра, признается в июле 1892-го: «Я лелею мечту побывать в Тифлисе. Ты не можешь себе представить, как меня туда тянет. Весьма, весьма вероятно, что в сентябре или в октябре я хоть не на долго появлюсь на берегах Куры». Не сбылось. Через год с небольшим после этого письма тифлиские газеты печатают некрологи о смерти композитора. И Музыкальное общество «отдает дань памяти Чайковского, устроив симфонический концерт из его произведений».

А в сердце Тбилиси, хранимом истертыми временем домиками, и сегодня живет память о человеке, заявившем: «Тифлис город до того мне во всех отношениях симпатичный, что я многу только поощрять всякого, желающего туда водвориться».

Владимир ГОЛОВИН



СЧАСТЛИВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Астрономы называют уникальными те звездные системы, подобных которым в нашей Галактике пока не найдено. Ансамбль «Орэра» - из числа таких уникальных звезд.

Ансамбль «Орэра», признанный лучшим музыкальным коллективом Грузии XX века, был организован в 1958 году, в том же, что и популярнейшая музыкальная группа мира The Beatles.

В Англии филармоний нет, поэтому самодеятельный ансамбль школьных друзей Quarrumen, впоследствии переименованный в The Beatles, ведет свою родословную с 1958 по 1970 год, а «Орэра» - с 1961-го, с момента прихода на профессиональную сцену и по сей день. С легендарной ливерпульской четверкой «Орэра» почти встретились на гастролях в Лондоне. После феноменального выступления советских музыкантов в «Ройял Альберт Холле» и «Палладиуме», с ними связался Брайан Эпштейн, импресарио Битлов, с просьбой остаться в столице туманного Альбиона еще на неделю, поскольку ливерпульцы хотели с ними познакомиться. Но увы, историческая встреча не состоялась, потому что так решил Госконцерт СССР.

Об этом, перебирая старые фотографии, программы и вырезки из газет – настоящий архив, мне рассказывает Теймураз Давитая – человек, проживший в «Орэра» целую жизнь. Все пророчили ему большое футбольное будущее и даже игрока тбилисского «Динамо». Но

звезды распорядились иначе.

Студента Тбилисского государственного педагогического института иностранных языков Темура Давитая, также как и еще двух его однокашников – Зураба Иашвили и Тамаза Панчвидзе собрал Роберт Бардзимашвили. Это случилось 10 сентября 1958 года. Так родилась тбилисская четверка.

Вот что рассказывал сам Роберт Бардзимашвили: «В Тбилисском институте иностранных языков я изучал французский, но лингвистом не стал. Зураб – английский, Тамаз – немецкий. Темур сначала изучал французский, а потом перешел на испанский. Дружба наша крепла, популярность росла, а учеба в институте подходила к концу. Что делать? И тут неожиданно мы получили приглашение Грузинской филармонии. Это было в 1961 году, который мы считаем годом своего рождения. Все песни, как правило, исполняются в собственных аранжировках и на языке оригинала. Вот здесь пригодились знание иностранных языков и склонность к лингвистике».

Принимало их в филармонию жюри, в состав которого входили Константин Певзнер, руководитель легендарного «Рэро», композиторы Отар Тевдордзе, Георгий Цабадзе и Ниаз Диасамидзе.

С тех пор коллектив побывал на всех пяти континентах, и везде выступления «Орэра» встречал восторженный прием публики.

«Любовь к песне привела Роберта на эстраду. Он же организовал ансамбль, и название ему придумал тоже он. Роберт – душа коллектива, и если его спросить, какое его самое большое увлечение, - он неизменно отвечает: «Орэра» и ничего больше». Впрочем, этого же мнения придерживались все участники ансамбля», - говорит батони Темур.

В репертуаре музыкантов звучали песни советских и зарубежных авторов. Трио выступало в концертной



▲ Поет «Орэра»



▲ На репетиции с Муслимом Магомаевым



▲ На гастролях в Москве

программе «Когда зажигаются звезды» в Москве, Ленинграде и других городах СССР. В 1966 году коллектив успешно представил свою концертную программу в Театре эстрады в Москве.

В 1964 году в коллектив пришла Нани Бреговдзе, до этого работавшая в Тбилисском государственном эстрадном оркестре «Рэро», а в 1966 году, покинув ансамбль «Диэло», в «Орэра» уже и Вахтанг Кикабидзе. Чуть позже в ансамбль пришли профессиональные музы-

канты Теймураз Мегвинетухуцеси и Гено Надирашвили.

В 1967 году ансамбль «Орэра» от имени Советского Союза принял участие на выставке Экспо-67 в Канаде. Среди слушателей их песен были Линдон Джонсон, Жаклин Кеннеди, Шарль де Голль, Елизавета II и Марлен Дитрих.

В том же году Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила два диска-гиганта, в который вошли песни советских и зарубежных авторов. За историю существования было продано 300 миллионов грампластинок с записями ансамбля. Таким же рекордом в мировой музыке могут похвастаться только великие «Лед Зепелин».

В советские времена «Орэра» был первым коллективом популярной музыки, выступавшим не только в странах Варшавского договора, развивающихся странах Азии и Африки, но и в Англии, Канаде, Сингапуре, Франции, Австралии, США, Мексике, Финляндии и других. И, конечно же, ансамбль многократно выступал в каждой союзной республике. За свою долгую и поистине заслуженную карьеру музыканты спели больше тысячи песен на двадцати двух языках в 84 странах мира.

Как шутит Темур Давитая, в те времена поездками за рубеж могли похвастаться только танцовщики ансамбля сухишвилевцев и футболисты тбилисского «Динамо».

Надо сказать, что «Орэра», выступая за рубежом, приносил в советский бюджет миллионы. Сами же музыканты получали мизерный гонорар. Как рассказывала супруга Роберта Бардзимашвили, в триумфальном 1961 году их гонорар за концерт составлял 7 рублей.

Отзывы прессы были восторженными всюду, где выступал ансамбль. Вот что писала малийская газета «Лессор»: «Большой эффект произвел грузинский ансамбль, исполнивший песни народов мира. Но особенно потрясла публику мастерство и душевность, с которыми грузинские артисты исполнили песни народностей Мали!»

Или: «Орэра» - это семь юношей из Грузии, объединенных любовью к песне, семь великолепных музыкантов, которые играют на различных инструментах, танцуют и поют. И вместе с ними Нани Бреговдзе - певица редчайшего обаяния, вкуса и женственности, эстрадная артистка, имя которой хорошо известно всем, кто любит песню».

«Соло, дуэт, трио, квартет, квинтет... На сцене происходит своеобразная передача эстафеты пения, игры на инструментах; каждый демонстрирует свое искусство, и все это с таким заразительным весельем, так тонко, так музыкально, так непосредственно, что зрители подолгу не отпускают артистов с эстрады, настоятельно требуя повторить почти каждый номер программы!»

Никто никогда не писал, что они плохо пели. Только однажды, в Румынии, после концерта, к ним в кулисы, как обычно набилось много поклонников. В это же время пришел атташе советского посольства по культуре, которому артисты не смогли оказать должного внимания. Обиженный дипломат написал гневное письмо в Госконцерт, что, дескать, орэровцы отдавали предпочтение иностранным песням. И что же Госконцерт? Там посмеялись и забыли.

А что говорить о русских песнях, если даже малийцы восторгались тем, как грузины поют их песни?

Нани Бреговдзе по праву считается одной из лучших исполнительниц русских романсов. А песни «А где мне взять такую песню», «Не жалею, не зову, не плачу», написанные композитором Григорием Пономаренко, стали настоящим прорывом. До них запрещенного Есенина не осмелился исполнить никто.

Слушая рассказ Темура Шотаевича, я поминутно восклицаю – О, как здорово!

Муслим Магомаев сказал о них: «Мне посчастливилось, что они согласились со мной спеть».

У них по сей день три программы – для Грузии, для стран СНГ и для зарубежья. Всегда была традиция, когда приезжали в какую-то страну, сразу делали песню.

Первые гастроли прошли по странам Западной Африки – Мали, Сенегал, Того, Гана, Конго.

«Концерт в Мали. Публика сидит за столиками – послы, министры, одним словом, сливки общества. И вдруг, жена президента вскакивает, хватая за руку Анастаса Микояна и тащит танцевать. К ним присоединились все собравшиеся и заплясали в хороводе. И вот, когда песня подходила к концу, Микоян поворачивается к нам и говорит по-грузински – «Не останавливайтесь, ребята. Очень хорошо! Пойте еще!» Мы спели эту песню раз пять, наверно».

После концерта был роскошный фуршет. Стол ломился, глаза разбегались. Я скромно положил себе на тарелку ломтик апельсина. И вот слышу за спиной кто-то говорит по-грузински: «Ешь, сынок, когда ты еще на такой прием попадешь». Я обернулся, а это был Анастас Иванович.

А еще Темура любит добавлять, что их первые гастроли, в Африку, прошли успешно и увенчались покупкой едва ли не первых в Тбилиси джинсов.

«А однажды на Кубе, когда мы увидели Фиделя Кастро, меня от торжественности момента разобрал смех. На что Гено Надирашвили крепко стукнул в бок и велел замолчать, пока этого никто не заметил. Как мог закончиться мой смех, страшно предположить».

«А еще у нас был гениальный аранжировщик – Темура Мегвинетухуцеси, внук Котэ Мегвинетухуцеси, который наряду с Захарием Палиашвили и Мелитоном Баланчивадзе был одним из основоположников классической грузинской музыки. Котэ вырос в Ленинграде, где окончил сразу два факультета консерватории – хоро-дирижерский и инструментальный. Я не мог оторвать глаз, когда он играл. На фестивале в Сопоте, где мы стали лауреатами, вечером в баре была вечеринка. Котэ сел к роялю и сыграл так, что все только о нем и говорили».

Однажды на большом правительственном концерте в Москве у орэровцев попросили фонограмму. Темура отдал минусовку. Ему говорят: «Минусовка нам не нужна, нужен плюс». На что он ответил, что «Орэра» никогда не пела под фонограмму. И они были единственными, кто пел в тот вечер вживую».

Батони Темура рассказывает удивительные истории. О бесконечных концертах в многотысячных залах, о гастролях во всех уголках земного шара, о курьезных случаях, сопровождающих гастроли и концерты. Рассказывает о коллегах по эстраднему цеху, которые давно стали друзьями. Они родились под счастливой звездой.

Они многое в Советском Союзе сделали впервые. Например, дали первый концерт под открытым небом. Первыми стали снимать на свои песни маленькие зарисовки, тем самым изобретая музыкальные клипы. Первыми стали сами вести свои концерты, не прибегая к услугам конферансье. Первыми на советской эстраде сделали шоу – когда артисты пели, играли на различных инструментах, разговаривали с залом, двигались и чувствовали себя свободными. Это шло вразрез с принятыми нормами, когда певец подходил к микрофону, исполнял песню и уходил.

Им рукоплескали лондонский «Ройял Альбер Холл»,



▲ После концерта

венский «Шпортхалле», мексиканская «Ацтека», бродвейский «Мажестик», нью-йоркский «Мэдиссон» и многие другие.

«Орэра» досталась честь открывать теперь уже легендарный государственный центральный концертный зал «Россия». В 2005 году перед концертным залом «Россия» открыта звезда «Орэра». Равно, как и перед тбилисской филармонией, которая открылась концертом «Орэра» в 1971 году.

Трудно поверить, но ансамбль «Орэра» – одна из старейших поп-групп с непрерывной карьерой. Из «монстров» поп-музыки, играющих по сей день, до такого возраста дожили немногие – даже Rolling Stones были образованы позже, в 1962 году.

Что означает название «Орэра»? Это идиома, непередаваемый припев к песням грузинского народа, выражающий различные оттенки радости и веселья.

Близость «Орэра» к богатым традициям грузинского многоголосья и умение грамотно сочетать его с современным музыкальным языком сразу сделали стиль и почерк ансамбля узнаваемым и уникальным. До них практически никто на советской эстраде не работал в жанре синтеза исконно народной стилистики и современной музыки. В СССР они были первопроходцами. «В свой репертуар, мы включаем песни всей планеты, привозим мы их обычно из своих гастрольных поездок. Но прежде всего мы стремимся пропагандировать грузинское музыкальное искусство. Наши народные мелодии – основа творчества коллектива, бережно сохраняющего исполнительские традиции прошлого. За последние годы объездили всю Грузию. Вы бы видели, как нас встречают. Плачут. Когда мы начинали свой творческий путь и добрались до самых вершин, мы сделали ставку на синтез. На первом плане стояла мелодия, элементы фольклора и современные эстрадные мотивы. Для нас писали лучшие композиторы».

Сегодня ансамбль продолжает творческую жизнь в составе заслуженных артистов Грузии, кавалеров Ордена Чести Гено Надирашвили (руководитель ансамбля) и Теймураза Давитая, Зураба Мирзиашвили, Гии Дзидзигури (музыкальный руководитель), Георгия Циклаури и Давида Маглакелидзе и их друзей Ладо Хелашвили и Бидзина Махарадзе.

А это значит, что нас с вами впереди ждет не один замечательный концерт с участием счастливых звезд.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Сотый номер вашего журнала в нынешней экономической ситуации – выдающееся явление. В журнале с великолепным дизайном нет ни одного недостойного материала, ни одной «желтой» новости. Великолепен фоторяд каждого номера. На одной из театральные программки незабвенный Мавр Пясецкий написал мне: «Одаренность и профессионализм – вот что отличает нашего нескгибаемого современника». Эти слова Мастера стопроцентно относятся к Вашему коллективу. Желаем вместе прочесть тысячный номер «Русский клуб».

Светлана, Борис Казинцы (США)

100-ый номер журнала «Русский клуб» – настоящий повод для праздника! Вы его заслужили! Своим упорством, с которым боретесь – вопреки не самым лучшим временам – за сохранение исторических культурных связей России и Грузии. Связей, потеря которых может стать непоправимой бедой отторжения, разъединения. Этого не простят наши предки. Этого не простят современники – лучшие представители наших народов, знающие цену духовного братства.

Грузинское поэтическое слово – сокровищница мирового уровня. Русская поэзия – неопределимое богатство мировой культуры. Искусство обоих народов – свидетельство огромных духовных процессов, сложившихся исторических традиций. И создавалось это усилиями многих поколений.

Пришло ваше время стать в эту цепочку столетий.

Это вы сегодня пролагаете путь от грузинского сердца к сердцам россиян. Это вы делаете все, чтобы Грузия оставалась добрым сердечным уютным домом русскому человеку, судьба которого связана с этой его родиной. Этот путь – от сердца к сердцу – требует сегодня душевного тепла, сил, мужества перед лицом времени, творческого таланта!

Даниил Чкония (Германия)

100-й номер «Русского клуба» – это, конечно, не ваш праздник, точнее, не только ваш праздник, это, прежде всего, – наш праздник, праздник ваших читателей, авторов, персонажей, гостей!

Вы всегда плыли против течения и писали на линованной бумаге поперек: в дни смуты и раздора вы говорили о любви и тепле, вы говорили, что стихи и проза – норма человеческой речи, что художественный перевод – есть естественная форма отношений между языками и культурами.

На свете, наверное, нет русского поэта, которой побывал в Грузии, но не написал о ней: вы живете в стране, которая словно изначально предназначена для живописи своими изобильными красками, для музыки и пения самим колебанием воздуха, для поэзии самими переливами речи, талант, как вино, бродит в вашей крови. 100-й номер – это, конечно, не вино из запятой бутылки, это – молодое вино, которое можно пить вскоре после сбора урожая, а литературный урожай и «Русский клуб» пусть будут всегда.

Елена Скульская (Эстония)

Поздравляю вас с юбилейным номером и совершенно уверена, что ваш журнал – единственный в своем роде не только в Грузии или России, но и во всем русскоязычном мире. Благодаря высокому профессионализму, таланту и оперативности ваших сотрудников и многочисленных авторов ваши читатели всегда в курсе самых актуальных новостей культуры, искусства, спорта. Вы замечательно пишете о литературе, театре, музыке, живописи, кинематографе. В самые нелегкие времена вы уделяли огромное внимание истории грузино-русских литературных связей: в Грузии узнавали о культурных событиях в России, а россияне получали объективную и квалифицированную информацию о грузинских новостях. Журнал стал великолепной площадкой для русских поэтов, живущих в разных концах земли, которых несколько лет подряд вы приглашаете в Грузию на Международный форум. Это бесценный вклад в дело глубокого взаимного проникновения культур. Что так важно для сближения стран и народов. Грузинская и русская литературы активно взаимодействуют между собой и переводятся на языки многих стран современного огромного мира и в большой степени это заслуга ваших проектов.

Анаида Беставашили (Москва)

Скажу, как всегда, не по-лисьи:
Я помню и помню Тбилиси.
Веселый, журчащий, простой,
Тот горный приют городской.

Я помню сердечные сходки...
Как будто сидели мы в лодке,
И веслами делали мах –
И искры сверкали в умах...

Куда ж мы заехали, братцы?
Сейчас объясню себе вкратце:
Поэзия тут разлита.
Та самая. Самая та.

Не всем повезло тут родиться.
Но можно скрипеть и трудиться.
Потрескивать щепкой в золе
И прыгать щенком по земле.

Ведь есть же такие картины –
Пред ними слабы паутины...
И мхи, и чужая молва.
И это могла быть Москва.

Но нет же, в Москве все непросто...
Болезни мутаций и роста.
А если б была старина –
Была бы другая страна.

Вот так-то мы судим невинно...
Пришлите сыры нам и вина!
Пришлите того и сего!
Ну нет у нас тут ничего...

Москва задохнулась без детства.
Без действия и без соседства.
Мы тут, на подножке Земли.
И не забывай нас, Тбили!..

Вероника Долина (Москва)



ДВА ВЗГЛЯДА НА МИР

Фото Александра Святикова



▲ Сергей Сургучев-Такашвили

ГРУЗИНСКИЕ КОРНИ, РУССКАЯ КРОНА

В знаменитом грузинском роду Такашвили на протяжении веков переплелись разные судьбы, фамилии и страны... Признаюсь, даже не знаю, с чего начать мой рассказ. С чего ни начни – все интересно, все неповторимо. Может быть, с того, как однажды в нашу редакцию пришел известный хирург, доктор медицины Давид Хазарадзе, представитель рода Такашвили, и принес нам в подарок книгу стихов московского поэта Сергея Сургучева, который по происхождению, оказывается, тоже был Такашвили? А может, начать с того, как в 60-е годы прошлого века ансамбль Сухишвили-Рамишвили гастролировал в Свердловске, и там солист и один из основателей ансамбля Илья Такашвили случайно нашел своего дядю Кайхосро, деда Сергея Сургучева, о котором много-много лет не слышал никто из родственников? Или сперва рассказать о том, как 50 лет назад молодой московский адвокат Валерий Сургучев, отец Сергея, приехал в Тбилиси, где выяснил, что его настоящая фамилия Такашвили?

Запутанная история, правда? Давайте распутывать этот узел не спеша. И перед нами, как в детском калейдоскопе, одна за другой начнут предстать удивительные картинки. Будут среди них и трагедии, будут и драмы, будут и истории со счастливым концом. Потому что это сама жизнь – настоящая, непридуманная.

Кайхосро Такашвили и Вероника Фокина были очень красивой парой. Выпускник московского Плехановского института Такашвили быстро продвинулся по службе, стал видным экономистом и партийным деятелем. Вероника, дочь председателя ЧК Азербайджана Петра Фокина, была мастерицей по изготовлению

шляп. Поженились по большой любви. Вскоре родился сын Валерий. Молодая семья была счастлива. Но, как известно, многие несчастья в стране датированы 30-ми годами прошлого века. В Грузии началась волна репрессий, коллеги Кайхосро были арестованы. Такая же участь ожидала и его. Но он уцелел – спасла давняя дружба с Серго Орджоникидзе, который отправил друга в длительную командировку в Свердловск. Правда, в какой-то момент Кайхосро не выдержал – сел в поезд и поехал в Москву, чтобы встретиться с Орджоникидзе и рассказать, какие безобразия творятся в стране. На одной из остановок он услышал сообщение по радио – Григорий Константинович Орджоникидзе скончался. Такашвили тут же купил обратный билет и вернулся в Свердловск. Забегая вперед, скажем, что оттуда он ушел на фронт. Туда же приехал после Победы. И остался в Свердловске навсегда. И, между прочим, тем самым спас от репрессий всю свою многочисленную родню.

Кайхосро уцелел, а вот семья не выдержала испытания разлукой и распалась. Вероника после развода приехала в Москву и вскоре вышла замуж за Владимира Сургучева, известного полярного летчика. В 1937 году в его летной книжке появилась запись – «имею сына Валерия, пяти лет». Он его не усыновлял, а просто вписал в летную книжку. И когда Валера поступал в школу, его единственным документом было не свидетельство о рождении, а справка из домоуправления. Так Валерий и жил двадцать с лишним лет в полной уверенности, что он Сургучев. И никто не знал, что иногда Кайхосро тайком приезжал в Москву, подходил к дому, где жила Вероника с сыном и новым мужем и издали смотрел на Валерия... Когда потом его спросили, почему он ни разу не подошел к сыну, сказал – я не хотел его тревожить.

Детские годы Валерия прошли в Иркутске, где он вместе с мамой находился в эвакуации. После войны вернулись в Москву. Валерий записался в секцию бокса, стал мастером спорта. Многим он напоминал героя рассказа Джека Лондона «Мексиканец» - боксер, красавец и очень экспансивный человек. Окончил юридический факультет МГУ. Работал следователем, а затем стал отличным адвокатом. Во время учебы познакомился со Светой Михайловой, также студенткой юрфака, дочерью кадрового военного, полковника Дмитрия Михайлова и главного редактора и директора издательства «Московский рабочий» Дины Михайловой. В октябре 1956 года сыграли свадьбу, а 24 августа 1957 года на свет появился сын Сережа.

Как-то раз Валерий с женой приехали в Тбилиси. Он позвонил маме в Москву, сообщить, что добрались благополучно. А в ответ услышал неожиданное: «Сынок, поезжай по такому-то адресу, и ты узнаешь, кто твой отец». Валерий, хоть и был поражен, но сразу все понял, не маленький. И помчался по указанному адресу. Дверь открыл молодой человек, который посмотрел на Валерия и закричал: «Я буду не я, если это не Валерий!» - настолько велико было внешнее сходство Валерия и Кайхосро. Растерянный и взволнованный, Валерий, войдя в квартиру, увидел высокого мужчину, который брился на балконе и с криком «отец!» кинулся ему на шею. «Ты Валерий?» - спросил мужчина. «Да!» - «Я не твой отец, я твой дядя Иван!» Они обнялись, расплакались... До этого у Валерия почти не было родных. И вдруг – целая армия родственников! Его буквально разрывали на части - знакомились, звали в гости, рассказывали о семье, водили гулять по городу...



▲ Семья Никифора Такашвили. Вторая половина 19 в.

А параллельно с этими событиями неожиданно пришли новости из Свердловска. Как говорил герой Льва Толстого, «не может быть, чтобы в возу гороха две отмеченные горошины легли бы рядом». И все-таки в жизни такое бывает. Родственники долгое время ничего не знали о судьбе Кайхосро. Никто не знал, где он. Нашел его Илико Такашвили. На гастролях в Свердловске у него закончились деньги – дело житейское, молодые люди славно покутили. Илико послал в Тбилиси телеграмму – пришлите деньги в Свердловск. Когда он пришел получать перевод, то, конечно, предъявил паспорт. Молодая кассирша удивленно воскликнула: «Ой, ваша фамилия Такашвили? А у моей подруги муж – тоже Такашвили». Слово за слово, и выяснилось, что речь идет о его дяде Кайхосро. Илико сразу побежал к дяде. Стоит ли уточнять, что тот чуть с ума не сошел от радости... Спустя недолгое время Кайхосро со второй женой и двумя дочерьми приехал в Тбилиси – впервые за тридцать лет. И тут оказалось, что он совсем забыл грузинский язык. За эти годы он не говорил ни с одним грузином. Но гурийцы заставили его вспомнить язык – все время, что он провел в Грузии, они ему пели. Кайхосро начал подпевать, а потом и заговорил, и разговорился. Из Грузии Такашвили – целая делегация, 8 человек родственников – поехали в Москву, чтобы Кайхосро и Валерий наконец встретились. Валерий ждал на платформе Курского вокзала. Отец с сыном обнялись, расцеловались... И все поехали к Сургучевым домой, где и провели десять радостных дней.

А вокруг счастливых родных, вновь обретших друг друга, крутился мальчик шести лет, Сережа. Он не только стал всеобщим любимцем, но и неизменно поражал воображение – начитанностью, удивительной памятью, любознательностью. Каким был Сергей? Лучше всех об этом может рассказать мама. К ее воспоминаниям мы и обратимся: «Где бы мы ни бывали, мы с мужем всегда брали Сережу с собой. И вот сидим в

гостях у своих родственников в Тбилиси, ему семь лет, взрослые поют, смеются, а он читает на русском языке «Витязя в тигровой шкуре», словари, энциклопедии или Библию... Прекрасно зная историю, религию, он всегда был интересным собеседником не только для своих сверстников, но и для людей значительно старше его. Многие черты его характера просматриваются в его стихах. В 2011 году он был номинирован на национальную литературную премию «Поэт года».

Шло время, и с каждым годом Сергей узнавал о грузинских предках все больше. И тем больше росла в нем гордость за них. И он захотел вернуть себе фамилию Такашвили. Что он успел узнать о своей родословной? Об этом согласился рассказать Давид Хазарадзе, а рассказав, поставил нас в затруднительное положение, ведь могучее ветвистое семейное древо, куда вплетены многие славные фамилии Грузии – Пипия, Микеладзе, Абашидзе, Канделаки, Датунашвили, Какабадзе и другие, заслуживает отдельного рассказа.

В 2010 году фамилия Такашвили



▲ Елизавета Никифоровна с дочерью Тиной

была награждена специальным орденом за огромный вклад, который внесли ее представители в культуру, политику, экономику Грузии. Самый знаменитый представитель этой фамилии – Эвтиме Такашвили, историк, археолог, филолог, причисленный Грузинской Православной Церковью к лику святых.



▲ С матерью Светланой Сургучевой

- Ветвь фамилии, к которой принадлежал Сергей Сургучев, ведет свою родословную от Никифора Такашвили и Анеты Микеладзе, - начал свой рассказ Давид Хазарадзе. – Они жили в крепости села Лихаури Гурийского региона Грузии. В семье воспитывались пятеро сыновей и три дочери. О них и об их потомках я вам и расскажу. Елизавета Никифоровна, моя бабушка, в юности занималась вокалом у известного русского педагога Вронского. Она не стала профессиональной певицей, но прекрасно играла на гитаре и фортепиано, пела арии из популярных опер, грузинские и русские романсы. Ее старшая дочь, Тина Семеновна Отхмезури – моя мама. Блестяще исполняла полонезы Шопена, писала стихи, в основном, на русском языке. В молодости снялась в фильме «Амок» Котэ Марджанишвили, главную роль в котором сыграла Ната Вачнадзе, а позже, в преклонном возрасте, сыграла в двух фильмах Дмитрия Батиашвили. Врач по образованию, она посвятила себя воспитанию детей – меня и моей сестры, Наны. Нана Владимировна Хазарадзе – историк, действительный член Национальной Академии наук Грузии, председатель Общества историков имени Эвктиме Такашвили, лауреат академических премий имени Симона Джанашиа, Георгия Меликишвили, премии Фонда культуры. Ее старший сын Георгий Пипия, потомственный хирург, доктор медицинских наук, заведовал кафедрой хирургических болезней, был успешным хирургом-новатором. Снялся в фильмах «Мзиури» Заала Какабадзе и «Когда зацвел миндаль» Ланы Гогоберидзе. Второй сын, Николай, окончил исторический и юридический факультеты ТГУ. В молодости писал стихи, теперь занимается прозой в детективной жанре. Внучка Нана Пипия – доктор социальных наук, главный советник секретариата Президента Грузии. Внук Ираклий Пипия – успешный хирург. У Наны Владимировны трое правнуков: Автандил Моисцрапишвили – менеджер по туризму, шестилетний Георгий Челидзе очень любит поэзию и уже знает наизусть стихи всех известных грузинских поэтов, Никуша Пипия, ему два с половиной года, читает наизусть пролог «Витязя в тигровой шкуре», поет «Очи черные», грузинские песни.

- Расскажите о себе.

- Доктор медицины, заведующий кафедрой хирургических болезней Медицинской академии. С 6 лет зани-

мался музыкой, закончил музыкальную восьмилетку, поступил в десятилетку для одаренных детей. Но как только понял, что не Моцарт, поступил в медицинский институт. Однако с музыкой не расстаюсь. Участвовал в студенческой самодеятельности, а после, уже будучи опытным врачом, исполнил джазовую композицию в шоу «Врачи не шутят» на сцене Большого концертного зала филармонии.

- У вас в роду все, так или иначе, творцы. А в хирургии нужно творчество?

- Вы задали хороший вопрос. Конечно, прежде всего надо овладеть ремеслом. И когда ты вносишь в ремесло что-то свое, с этого момента и начинается творчество. Моим учителем был известный хирург Игнатий Калистратович Пипия. Однажды он читал нам лекцию – с цитатами из античной литературы, из Овидия, которого знал наизусть. И когда закончил, одна студентка задала ему вопрос: «Что надо сделать, чтобы стать таким великим хирургом, как вы?» Пипия покраснел от смущения. Моя сестра была его невесткой, и я точно знаю – он никогда не рассказывал о своих достижениях. А это был человек, язык которого не опережал разум. И он сказал: «Я в детстве учился в Потийской гимназии. По субботам нас водили в церковь. После каждой молитвы осеняли себя крестным знаменем. В этом жесте и заключено все, необходимое для того, чтобы стать хирургом – рука, голова и сердце». Кстати, когда он произнес слово «церковь», всем стало не по себе. Но на Пипия никто не донес. Да, были люди! Помню, нам читал лекцию Василий Варази, отец художника Авто Варази, видный ученый, специалист в области физиологии и биохимии. Начал в час дня, закончил в пять. О биохимии он говорил немного. В основном – об искусстве, физике, химии, выдающихся людях. А вы знаете, что Гоги Хоштария у нас, в Медицинской академии имени Шотадзе, читает лекции по искусству? Да, без этого нельзя. Так когда же начинается творчество? Бог его знает... Моцарт в пять лет писал музыку, и все знали, что он гений. А есть и другие гении – которые раскрываются позже. Бетховен, например. Такие люди живут более интенсивно. Для меня день – это день. А для них один день равняется десяти... Я вам одно могу сказать: жизнь – очень печальный процесс. И боли в ней гораздо больше, чем радости.

- Давайте тогда о радостном – о вашей дочери, о внучке.

- Дочь, Нана, окончила Академию художеств и театральный институт, снималась в художественных фильмах и клипах. Сейчас она – ведущая шоу на телеканале Имени. Воспитывает 10-летнюю дочь, Лилу Нучубидзе, которая прекрасно танцует и подает надежды как художница. Знаете, почему ее называли Лилу? Нана была на шестом месяце. Мы все уже знали, что родится мальчик – эхоскопия показала. И вдруг ее муж сообщает: «Мне приснилась Мила Йовович, она сказала, что у нас будет дочка, и ее надо назвать Лилу, как героиню в фильме Бессона». И все сбылось – родилась девочка, и ее назвали Лилу.

- Конечно, мы не сможем в одной статье рассказать обо всех Такашвили. Но, может быть, вы вспомните о самых интересных историях?

- Сделать это сложно – таких историй очень много. Но я попробую. Патико Никифорович Такашвили, брат Кайхосро, окончил кадетский корпус. В 1922 году эмигрировал в Польшу. Был полковником танковых войск, участвовал в польском Сопротивлении, в варшавском восстании против нацистов. Давид Никифорович Така-

ишвили был капитаном дальнего плавания. Однажды, в годы революции, после того как он сошел на берег в Батумском порту, его арестовала ЧК. Объявили врагом народа и приговорили к расстрелу. И когда вели по коридору на расстрел, он вдруг увидел матроса, который когда-то проходил службу на его корабле. Теперь этот матрос был большим начальником в ЧК. Они обнялись, расцеловались. Эта случайная встреча спасла Давиду жизнь. Впоследствии он преподавал в Батумском мореходном училище. Семей так и не обзавелся, причиной чего была трагическая история его первой и единственной любви. Его судно находилось в Шотландии, где он познакомился с молодой леди, дочерью лорда. Молодые люди полюбили друг друга, решили пожениться, и девушка поехала вместе с любимым в Грузию на корабле, которым он командовал. Однако на море поднялся сильный шторм, и корабль затонул. В живых остались только капитан и два матроса. Возлюбленная Давида погибла... Трагически сложилась судьба и у старшего сына Цибуло Никифоровны – Фридона Датунашвили. Он погиб в Берлине, накануне Победы, 8 мая 1945 года. По этой линии родословной не могу не упомянуть Давида Какабадзе, внука великого художника Давида Какабадзе. Выпускник Академии художеств, он сумел восстановить древнейшую технологию изготовления грузинской перегородчатой эмали. Его работы украшают стены тбилисского Собора Святой Троицы. Циала Канделаки, также выпускница Академии художеств – известный портретист. Апофеозом ее творчества стала выставка созданных ею портретов в Голубой галерее Тбилиси – настоящий гимн красоте грузинских женщин. Александр Никифорович Такаишвили, еще один из братьев Кайхосро, по окончании классической гимназии продолжил учебу на лечебном факультете Казанского университета. Будучи студентом третьего курса, ушел в отряд Чапаева, где стал начальником санитарной службы. Его сын – Илья Такаишвили, заслуженный артист Грузии, о котором я вам уже рассказал. По окончании карьеры артиста он вернулся к профессии врача, стал известным хирургом. А вот Иван Никифорович Такаишвили во время Первой мировой войны был штаб-секретарем армии генерала Брусилова. При меньшевистском правлении занимал должность главы Кутаисского округа. Его сын, Отар Такаишвили, почетный нефтяник Грузии. Младший внук, Давид, был талантливым деятелем грузинского кино. Его фильм «Чума» в 1984 году был удостоен Золотой пальмовой ветви Каннского кинофестиваля. К несчастью, он трагически погиб. Еще один заметный представитель этой ветви – Мераб Абашидзе. Его называли «грузинским Достоевским». Он тоже ушел из жизни очень молодым – скончался от сердечного приступа.

- *Счастье и трагедии в вашем роду постоянно пересекаются. А каким вы вспоминаете Сергея?*

- Как все поэты, он был печальным. И очень хорошим, добрым человеком. Он не раз гостил у нас. Мы сблизились. Он звонил мне в Тбилиси из московской больницы, говорил, что скоро поправится и приедет в Грузию. Не приехал. Сердце остановилось... У Сергея осталась жена, дочь и внучка. Они живут в Канаде. Сергея нет уже три года, а книги его продолжают выходить, проходят вечера его поэзии, звучат новые песни на его стихи. Это – смысл жизни его мамы, Светланы. Когда Сергея не стало, моя сестра Нана написала ей письмо. Из него видно, каким он был в наших глазах. Я приведу вам фрагмент из письма: «Поэзия Сергея потрясла меня, но не удивила. Подсознательно я всегда

знала, что он живет в ином прекрасном мире с чарующей палитрой божественных красок и звуков, недоступных простым смертным. Творческий путь больших поэтов тернист и похож на путь Христа на Голгофу, и пройти эту дорогу до конца удается только избранным личностям – таким, как наш Сергей».

Недавно в Тбилиси, в Музее современного искусства Зураба Церетели, прошел музыкально-поэтический вечер, посвященный памяти Сергея Сургучева. Инициаторами его стали Светлана Сургучева и Нана Хазарадзе. Зураб Церетели предоставил для встречи «Зал Аргонатов» Музея. На вечере звучали стихи Сергея в переводах на грузинский язык, песни на его стихи, написанные народной артисткой Грузии Маргаритой Чхеидзе и заслуженной артисткой России Ириной Гри-



▲ На вечере памяти в Музее современного искусства

булиной в исполнении российского певца Владимира Брилева. Гости вечера получили в подарок сборники стихотворений поэта. На книге, изданной в Тбилиси, автор значится как Сургучев-Такаишвили.

Тбилиси принял поэтическую эстафету памяти Сергея Сургучева, о даровании которого удивительно тонко отозвалась Белла Ахмадулина. После смерти Сергея Светлана решила и позвонила Ахмадулиной. Она представилась и сказала, что ее сын при жизни очень хотел, чтобы Белла просмотрела его стихи. «Есть ли сейчас перед вами его стихи? - спросила Белла. - Прочтите». Перед Светланой на столе как раз лежали четыре последних стихотворения Сергея. Она прочла одно. «Прочтите еще». Светлана прочла все четыре. После недолгого молчания Ахмадулина произнесла: «Это не стихи. Это поэзия. Она заставляет страдать».

Стихотворения Сергея Сургучева, как и положено настоящей поэзии, пережили своего автора. Теперь у них начался собственный путь в мире литературы. Дай бог, чтобы этот путь был долгим и светлым.

Нина ШАДУРИ



▲ Хлебная площадь

ОЧКИ НАДЕНЬ

«Почему я не сломал ногу, поднимаясь на третий этаж, - сказал в сердцах Артем, - когда на первом такие невесты были?» Это запоздалое прозрение в последнее время нередко осеняло его. Говоря так, он намекал на несложившуюся личную жизнь. Бывает жена, говорила бабушка Нина, которая дом построит, а другая – разрушит. Артем, видно, сделал выбор не в стане строителей, забыв, что милovidность обманчива и красота суетна.

Сейчас он сидел на балконе, в этот час истины, когда августовская духота выгнала наружу соседей Хлебной площади. Они хором судачили, посвящая посторонних в свои заботы и беды, древние, как дома нашего заповедного района, чья охрана осуществлялась государством деликатно, ненавязчиво, а со временем стала совсем незаметной. А охранять было что. Взять хотя бы соседнюю Петхаинскую улицу-лестницу, редкую в своем роде. Мало кто о ней в городе слышал, не то что в Америке или в Европе. Она уступает в популярности всем этим историям вокруг Пизанской башни, падающей, как девочка на материнских каблуках, или гибели «Титаника», который в настешь распахнутых просторах Атлантики не сумел разойтись с ледяной горой с такой еврейской фамилией.

Я как-то проверил, спросил про улицу у знакомого писателя, автора книги о Тбилиси. Он заинтересовался и даже покинул на время свой великанских размеров редакционный кабинет. Сели мы с ним в номенклатурную

черную «Волгу» и в пять минут оказались у подножья невидимой улицы, но неожиданно с низких небес посыпался холодный осенний дождь, и знакомство с достопримечательностью нагорного квартала пришлось отложить до лучших времен.

Или мы в самом деле ленивы и не любопытны.

Улица-невидимка карабкается по склону Сололакского хребта, к маковке Петхаинской церкви, традиционного центра праздника Успения Пресвятой Богородицы.

В начале века большевики устроили под самой горой конспиративную квартиру в дарбази с плоской земляной кровлей. Молодежь здесь обучали пистолетной стрельбе. Священник церкви тогда не знал, что окаянные соседи, забыв о Боге, через десяток лет силой обратят всех в свою веру Карла Маркса, и всячески им помогал; когда понадобилось помещение для конференции, предоставил свой дом всего за двадцать пять рублей. Соседи выделили людей для охраны делегатов и патрулирования, но филеры не зря ели свой хлеб. Вскоре стало известно о провале конспиративной квартиры, была команда всем уходить. Делегаты разошлись, в спешке оставив шляпы, и они попали в руки фараонов. Доставленный в полицию священник утверждал, что шляпы остались от покойников, которых он хоронил, но ему не поверили и сослали в Сибирь, где он умер.

Такая вот грустная история, как в старом анекдоте об аресте чекистом пассажира поезда с фамилией Райхер, в которой зашифрованы обещанный большевиками рай на земле и нечто из трех букв, полученное взамен.

О пострадавшем за большевиков священнике я узнал от монашек соседнего Девичьего монастыря. Христовы невесты Рипсимэ, Катарина и Нина, все еще красивые, особенно младшая сестра Нина, были из старинных тифлиских купеческих семей, большие охотницы кофе с молоком. Он подавался к столу в гарднеровских чашечках фишашкового цвета вместе с рассыпчатым печеньем «хворост».

Перед Светлым Христовым Воскресением сестры приносили краски для пасхальных яиц, с ангелочками на золотистых пакетиках. В последний раз я их видел в нашем доме на панихиде моей матери, которую они взялись отслужить, посчитав это своим христианским долгом.

О «Титанике» вспомнилось неслучайно. В конце концов, все оказывается связанным самым невероятным образом, стоит только присмотреться к несовместимым, на первый взгляд, вещам. Среди пассажиров, спасшихся после столкновения с айсбергом, был наш зять Володя, который уцелел по той причине, что не достал билет на тот гибельный рейс, а взял на следующий, без приключений доплыл до берегов Америки, изучал сталелитейное производство на востоке страны, приобрел фундаментальные знания, что ему припомнили в тридцать седьмом году, оторвав от жены, трех детей и литейного завода имени Камо, присудив десять лет без права переписки, а попросту говоря, пулю в затылок. Вредителем или шпионом он не был, потому что получать высококачественное литье из дырчатых, ржавых лоханок не умели ни у нас, ни в Питтсбурге, да и кто его слушал. Успел только сказать знакомому оперативнику, когда вели по тюремному двору: «Передашь Артему, что меня расстреляли».

Нашего зятя больше никто не видел. Трагическим предвидением оказалось его любимое: «Когда я в гробу лежал, никто меня не оплакивал». И гроба у бедного не было, разве что нещедрая горсть негашеной извести.

Артема известие это не подкосило. Крепок он был как кремень, похвалялся, что в молодости пули глотал, когда в него стреляли в упор, покупал драку за деньги, уважал бокс и мог продержаться один раунд против чемпиона

страны в тяжелом весе Андро Навасардова, который работал шофером в их гараже.

Потому две войны прошел без единой царапины, видно, пуля для него не была отлита. С годами он сильно сдал. Старый и беспомощный, сидел подолгу на балконе, невольно слушая уличные откровения молодой жрицы любви Аиды, убнис хайтараки (позор района – груз.-арм.), которая уже не видела большой корысти от древнейшей профессии и думала заняться спекуляцией, а также ленивую перебранку одуревших от жары инкассатора Сергея и его соседа шофера Ваника. Судя по долетавшим репликам, разговор шел о Сережиной дочери. Ей грозила какая-то опасность. Когда красивая Лера, сверкая полными икрами, взлетала к себе на вершотуру по крутой винтовой лестнице, ее тяжелые груди под откровенной нейлоновой блузкой трепыхались, как гандбольные мячи. В этот миг она святого могла ввести в искушение, не только нас, простых смертных, и это не на шутку тревожило ее отца.

«Вчера вас видели вместе в кинотеатре на Католической улице», - ходил Сергей с козырной карты. «Ты меня за болвана держишь, - лениво отбивался Ваник, - виданное ли это дело, распечатать такую красавицу за билет на «Аршин мал алан?» - «Сказки мне не рассказывай, - горячился Сергей, - не оставишь ее в покое, так тебя по кусочкам потом не склеют».

Такая угроза могла смутить кого угодно, только не Ваника, отчаянного враня и первого драчуна – одним ударом сбивал с ног крепких мужчин на Хлебной площади, которая издавна развлекалась кулачными боями. Это на нашей площади побили Александра Дюма в 1858 году, когда он ради своего удовольствия приехал в Тифлис.

Причиной нелюбезного обращения с экстравагантным романистом могла быть женщина. Высокий, полный, пышущий силой, весельем и здоровьем Дюма слишком доверчиво принял на веру свидетельство голландского путешественника Яна Стрейса, полагаясь на его принадлежность к нации, известной хладнокровием и нелегкой воспламеняемостью. Написанные в Амстердаме в 1681 году, в начале царствования Короля-Солнца Людовика Четырнадцатого, превосходным слогом, достойным Жентиль-Бернарда, поклонника женского пола, через два столетия дошли до автора «Графини де Монсоро» глубокомысленные уверения Стрейса, будто кавказские женщины, имея прекрасные внешние данные, не жестоки, не боятся любезностей мужчин, а какой бы нации мужчина не принадлежал, и если даже он подходит к ним или касается их, они не только не отталкивают его, но сочли бы за обиду помешать ему сорвать с них столько лилий и роз, сколько нужно для прилично-го букета.

Милый, доверчивый, как ребенок, Дюма совсем нехоти проявил интерес к кавказской флоре.

На этой версии особенно настаивал Артем. Соглашаясь с Киплингом в том, что знатная леди и Джуди О'Греди во всем остальном равны, сам терпеть не мог козлов, норовящих забраться в чужой огород.

Помню переполох в доме – приехал на пару дней Артем со своим другом капитаном, с неподходящей для фронтовика фамилией Могильченко. В большой комнате сели за стол те, кто ковал победу, и не особенно рвущиеся на передовую близкие родственники, наш героический тыл, атаковав с ходу выставленные закуски под огневой разговор фокстрота «Для тебя, Рио Рита».

Начало ссоры я пропустил, когда хвативший лишнего Артем рвал непослушными пальцами кобуру, откуда фронтовой друг предусмотрительно вытащил пистолет, но щегольский браунинг в руке чернявого родственника увидел. Родственник ворочал шальными деньгами от

халтурных ездов собственной грузовой машины, насобирав блинные стопки пластинок запрещенного Петра Лещенко, всегда имел при себе шоколадные конфеты и хранил дома в чемодане, отчего они пахли клопами, как уверяли его пылкие поклонницы в туалетах от Шаши-портного Ахвледиани, тбилисского Валентино тех лет. Еще не остыв после исподволь разгоревшейся ссоры, он угощал всех конфетами, и мне, в чью комнату, от греха подальше, увели родственника, достался один «мишка» давно забытого вкуса.

Артем уехал так же внезапно, как появился, обиженный на всех, а больше всего на жену, которую это нисколько не задело. Она не очень обрадовалась и удивилась, получив телеграмму из Батуми. Муж писал, что их воинский эшелон проследует через Тбилиси и просил встретить. Анна весь день жарила и пекла, как на Маланыну свадьбу, но в последнюю минуту раздумала брать корзину с едой, взяла бутылку водки.

Увидев жену с пустыми руками, как у солдата при отступлении, Артем не удержался от упрека: «Эх ты... мы двое суток не ели». Подошел Могильченко, забрал без лишних слов водку, отбил белую головку о вагонное колесо и тут же на путях запрокинул бутылку над головой.

Проводив мужа на Дальний Восток, Анна вместе с родней в один присест умяла ужин фронтовиков, поела и обтерла рот свой и говорит: «Я ничего худого не сделала».

Мечту об идеальном союзе любящих двух сердец Артем пронес через молниеносную войну с японцами, вернулся домой с тяжеленными чемоданами, что окончательно лишило Анну рассудка. Она снова заважничала, близких родственников представляла подругам, как обыкновенных соседей, считая неровней себе.

В унесенных с войны чемоданах, среди шелковых отрезков и покрывал с райскими птицами, было десятка два фотографий узкоглазых красоток, экзотичных, как принцесса из андерсеновской сказки, целующаяся со свинопасом, с удивительно красивыми ртами, не знавшими хирургии, посредством которой женщинам последующих поколений вживляли прокладки силикона, для придания губам неотразимой припухлости. Но те, военной поры, были натуральные, как мать родила, жены японских офицеров, диковинные трофеи победителей.

Анну такое объяснение не удовлетворило, она порвала фотографии чужих жен, за исключением одной. Артему удалось ее спасти исключительно из эстетических соображений.

К тому времени в нашем нефронтовом городе появились первые японские военнопленные. В отличие от немцев, они носили меховые шапки-ушанки и занимались ремонтом улиц.

Оборудованные под убежища подвалы понемногу начали убирать от военного хлама. Был такой склад на нашей стороне улицы. Однажды к нему подогнали грузовик, в кузов стали забрасывать запыленные противогазы.

Подошли мальчишки, несмело попросили противогазы.

Скоро на нашу улицу пришли мальчишки со всего города. Они тащили противогазы, как дохлых кошек. Жестяные коробки гремели по мостовой. Прохожие улыбались, готовые верить, что этим мальчишкам не надевать противогазы, не стрелять в своих сверстников. Так мечталось в послевоенные сороковые.

На улице догорал августовский пожар.

«Очки надень, - сказал охрипший от спора Ваник. - Пальцем я до твоей дочки не дотрагивался. Целая она и невредимая, как в швейцарском банке».



▲ Степан Кюркчян

СЕ-ГО-КЮ

Александровский сад – большая пятнистая кошка на солнце – голова на Головинском проспекте, хвост упирается в парадный подъезд гостиницы «Лондон». В гостинице поселился Кнут Гамсун. Знаменитый писатель – певец природы и любви – утром пьет свой кофе и гуляет в саду, обдумывает новую книгу, где могучий зов тела, трепет и ослепление страсти – все то, что роднит норвежца с господином Мопассаном.

И сам он запоминается: красивое, худое, длинное лицо, высокий лоб, светлые волосы, пенсне, надменный взгляд лейтенанта Глана. Его можно принять за доктора с Вельяминовской. Почему-то тифлиские врачи снимают квартиры на этой улице. По субботам они обедают у Тиграна Исааковича Георг-Бекяна, в доме номер восемь. Доктор получил образование в Германии и считается лучшим по глазным болезням. Однажды сказал в шутку друзьям: «У человека два глаза. Достаточно знать все о глазе, и вы знаменитость».

Тигран Исаакович милейший человек и выручил Степана на первых порах, когда он вернулся с Дальнего Востока с пустым кошельком. Жена Степана, Зарвард, помогает холостому доктору вести хозяйство. В уютной квартире бельэтажа угощаются обедом после партии-другой в нарды светила медицины послевоенного Тифлиса.

Степан – фотограф-моментальщик в Александровском саду, облюбовал себе место возле ротонды, где удобно любезничать с какой-нибудь гимназисткой. Их в саду по вечерам пруд пруди; гуляют парами, опустив

голову, словно потеряли что-то дорогое, а в глазах чертики играют, как на занятиях в частной школе европейских танцев Вани Этаряна. Как в стишке, который сочинил один шалопай, пожелавший остаться неизвестным: «В Александровском саду музыка игралась, разным сортом девушка туда-сюда шлялась».

Но зачем так грубо? Гуляют и весьма уважаемые горожане. «Мое почтение, мадам Катенька Меписова!» Хороша чертовка – Степан восхищенным взглядом провожает удаляющуюся женщину. Она идет вдоль бассейна, где, как амы, японские ныряльщицы за жемчугом, кувыркаются на воде папиросные коробки табачной фабрики «Бозарджианцъ и К°», компаньоном его был мой отец.

В саду по вечерам играет духовой оркестр, чаще других – вальс «Мокшанский полк на сопках Манчжурии», больше известный в укороченном названии. Написал его полковой капельмейстер Илья Шатров, удостоенный в русско-японскую войну 1904-1905 гг. офицерского ордена Святого Станислава с мечами. Скорее всего, за этот вальс, и, право, он того стоит. «Ночь подошла, сумрак на землю лег, тонут во мгле пустынные сопки, тучей закрыт восток». Гремит оркестр, кружатся пары, катятся волны вальса, поющего о боли и грусти, невозможности счастья.

Степану близка и понятна эта боль, сам он из тех мест. Работает в саду несколько дней, а уже отбил часть клиентуры у рослого ассирийца с казацкими усами Мишеля, которому это очень не по нраву. С Мишелем ссориться – себе дороже. У ассирийца большой маузер, из которого бьет без промаха в подброшенную монету. При знакомстве представляется как первый заместитель армянского генерала Дро Канаяна. Будучи не в духе после похмелья, грозит всех выдать за государственную измену. Но конкурировать в фотоделе ему слабо. Смог бы он, к примеру, изготовить

▼ Степан с матерью и супругой





▲ Кнут Гамсун

фотоаппарат в форме винного бочонка? А Степану собрать несколько образцов пара пустяков. Экзотику охотно покупают. Привлекает необычная форма деревянного аппарата, а больше сам мастер – щегольски одетый красавец с диковинным именем Се-го-кю. Так подписывает свои снимки. А все объясняется просто – Степан Григорьевич Кюркчян. В самой фамилии ключ к разгадке рода деятельности. Куртки шили дед и отец Степана. Родом они из Эривани, а может быть, из Западной Армении. Сам он пошел по другой части, обстоятельства заставили. И связано это с историей, одинаково романтичной и опасной. Было ему восемнадцать лет, и он влюбился в девушку, по которой сох и другой охотник ее сердца.

Дело нешуточное – запахло убийством, и Степан уехал на Дальний Восток, в добровольную ссылку. Пережил немало опасных приключений в краю старателей, контрабандистов, бродяг и беглых каторжан. В Хабаровске познакомился с земляком, специалистом мясного производства. Компаньоны завезли свиней, наладили выпуск мяса и скоро стали основными поставщиками свинины на Сахалине для российского гарнизона. Дела шли как нельзя лучше, свою кормилицу – племенную свиноматку – окружили отеческой заботой, спать укладывали на кровать, на шелка и тюль, а когда ее не стало, поставили памятник. Шальные деньги текли в руки, но не удержались. После Сахалина Степан три года жил на Японских островах, оставил большую часть нажитого капитала в веселых домах японской столицы.

О тех годах вспоминал неохотно, улыбаясь чему-то одному ему известному. После практики в Александровском саду стал фотографом Руставелевского и оперного театров, владельцем фотографии-фантазии на углу Чавчавадзеvской улицы. Во дворе дома бассейн. Сын нефтепромышленника Александра Ивановича Манташева, Леон, искупал в нем в шампанском хоровод барышень. Степан тогда получил бумагу от полицмейстера – два-три дня не выходить на работу, в случае неповиновения – арест. Жильцам соседних домов предписывалось закрыть окна газетами. Самые предприимчивые все же пробуровили дырки в газетах

и могли видеть красавиц в чем мать родила.

Желанный гость студии – режиссер Руставелевского театра Сандро Ахметели. Очень любил фотографироваться и Тициан Табидзе, приходил не один, радовался, если дочь Нита была рядом. Вдова поэта, Нина Александровна, вспоминала: некоторые фотографии от Се-го-кю сохранились, но большая часть пропала во время обыска, чекисты почему-то забрали первым делом портреты и фотографии.

Так прожил среди людей и для людей мастер, чьи снимки еще сохранились в домах тбилисских старожилов. Жил по совести, как нам завещали наши благородные и мудрые предки.

Чувство разочарования посетил его в самый неподходящий момент, на пике популярности. Человек, с которым он многие годы общался и часто помогал деньгами, возмнил о себе бог знает что и однажды



▲ Гостиница «Лондон» в Тифлисе

высказался довольно откровенно: «У меня дома вызывают большие начальники, наркомы. Что они скажут, увидев фотографию, на которой я с тобой».

Услышав эти речи, Степан разделил карточку на две равные части, передал бывшему другу его половинку и навсегда ушел из дома, где на словах проповедовали кодекс чести истинного карачохели и предали его главный постулат.

Эту историю мне рассказал сын Степана Григорьевича, Эдуард Кюркчян, который держал фотоателье в Тбилисском Доме офицеров. Хозяин квартиры военного городка на Черноморской улице только выписался из больницы после долгой отлучки и, придя домой, остановился, изумленный, на пороге. Все вокруг было заставлено ящиками с его вещами, готовыми к выносу и продаже – близкий родственник торопил самое худшее и времени, видно, не терял.

«Подвел я его, - сказал мне Эдуард, - не умер. Бог ему судья, а я простил».

Арсен ЕРЕМЯН

ЧИСТЫЙ РОДНИК

О книге «Позови меня как сына» Арсена Еремяна

Передо мной книга, перелистывая которую невозможно поверить, что написана она одним автором. Как? И эссе о спортсменах – все виды спорта! И рассказы, в которых оживает старый, навек ушедший Тбилиси, и лирические стихи, и рассказ о геноциде – это что, произведения одного автора? Да, одного!

Талант Арсена Еремяна, его умение проникать в самую сердцевину жизненных явлений, увидеть, осмыслить, прочувствовать то скрытое, что ими управляет, глубокий взгляд на жизнь сочетаются в этих вещах с высоким литературным мастерством и с журналистской точностью. И тогда простой с виду рассказ о жизни людей, незаметных «с высокого полета», создает ощущение трагедии, в которой переплетены любовь и смерть, трагичность обыденного существования.

Ты начинаешь читать – и уже не можешь оторваться. Вереница человеческих судеб, судеб выдающихся спортсменов, просверкавших яркой звездой на небосклоне, и навсегда запечатленных в этих замечательных очерках – судеб «простых людей» с их видными, может быть, только им радостями и горестями проходит перед тобой.



Один рассказ, второй, третий – и ты уже не можешь читать. Потому что глаза застилают слезы. Ты – вновь в твоём детстве, ты – на улице Атарбекова, вот ты поднимаешься к пекарне за шоти пури, вот идешь обратно домой, мимо двора, в котором прошла пора твоей жизни, поднимаешься по лестнице. Кто-то кого-то зовет, кто-то звонко смеется, вот девочка, играя, упала, плачет, а ее бабушка уже подбежала к ней и утешает... Вот ты идешь по маленьким узким улочкам старого города, вот ты... – но потом ты уже почти закрываешь книгу, потому что понимаешь – впечатления могут захлестнуть тебя, унести тебя туда, куда дорога только через мир чувств...

И вдруг ты натыкаешься как на стену, на потрясающий – в самом буквальном смысле –

рассказ «Завещание Гроссмана», одно из сильных произведений о геноциде, сильных сочетанием чисто журналистского описания с философским осмыслением надперсонифицированного ЗЛА.

Ты читаешь до конца, потом перечитываешь – и перед тобой встает страшный вопрос, когда-то заданный прошедшим ад Освенцима итальянским писателем Primo Levi: E un uomo? (Это – человек?). И перед тобой не только твоя судьба, лишившая твоих родителей в один день всех их близких, но и другая, более ранняя трагедия, также столкнувшая тысячи и тысячи и тысячи людей в яму смерти, вырытую для них другими людьми, забытыми Богом, как бы он ни назывался, и отдавшимся Сатане, и вопрос E un uomo дрожит перед тобой в воздухе, и ты понимаешь, что не можешь, не сможешь на него ответить.

Представленные в книге произведения показывают еще одну грань дарования А.Еремяна – дарования вне-литературного, чисто человеческого: глубокий интернационализм. Не декларируемый нигде, наоборот, отталкивающийся от любых деклараций (всегда вызывающих подозрение в неискренности), он присутствует во всем. Может быть, это качество видения истинного тбилисца.

Спасибо тебе, дорогой Арсен. Я был счастлив представить твой рассказ в Израиле, был счастлив, когда он появился и появились благодарные читательские письма тебе. И я знаю – путь этого рассказа, повествующего «городу и миру» о человеческой трагедии и человеческом благородстве на фоне сатанинской пляски смерти только начинается. Как и других твоих рассказов.

**Моше бен ЦВИ
Германия**

Мой университетский друг, писатель редкой эрудиции и самобытности Арсен Еремян в 2013 году опубликовал на русском языке итоговый однотомник своих произведений, в высшей степени значительный и многообразный – «Позови меня как сына» – международный проект МКПС «Русский клуб», СП Армении и СП Грузии. В книгу вошли его избранные стихи, лучшие документальные рассказы, читаемые с неослабным интересом очень содержательные очерки о выдающихся спортсменах с мировым именем, прославивших Грузию. Здесь же помещены раритетные фотографии, а также эксклюзивные материалы – свидетельства нерушимой дружбы грузинского и армянского народов, насчитывающей два тысячелетия.

Эмоциональный тон этому сборнику, составленному с безупречным вкусом, задает блестящая и мудрая статья классика нашей литературы Константинэ Гамсахурдиа «Пусть вечным будет наше братство!», которую можно рассматривать как завещание великого грузинского писателя, как и саму книгу.

Нельзя без волнения читать один из лучших рассказов А.Еремяна, берущий за душу, и в то же время отмеченный высшей поэтичностью, – «Завещание Гроссмана» – подлинный шедевр документальной прозы, в котором мастерски отражен богатый духовный мир Василия Гроссмана, выдающегося русского писателя, его образцовое гражданское мужество. Этот рассказ заслуживает быть переведенным на многие языки мира, чтобы люди доброй воли еще раз воочию увидели страшный лик войны и ужасные последствия злого своеволия кровавых диктаторов.

Книга Арсена Еремяна, воспеваящая на этой земле жизнь, любовь и дружбу, сразу же по выходе получила широкий резонанс в Грузии и за ее пределами, заслужила откровенное признание читателей.

Мне представляется, что эта книга А.Еремяна непременно должна быть отмечена почетной наградой, Государственной премией, с учетом интереса и одобрения ее общественностью.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ



ИЗ «ГРУЗИНСКИХ ТЕТРАДЕЙ»

ТБИЛИССКИЕ ДВОРИКИ

Маленькие тбилисские дворики образованы маленькими, притулившимися друг к другу, старенькими домами.

Жизнь в них не всегда удобная, тесноватая и шумноватая, чересчур многобалконная, слишком откровенная. Всем двором переживают дворики семейные неурядицы, разучивают гаммы, обсуждают политику, телепередачи, цены на рынке, играют в нарды и шашки, в ловитки и кошки-мышки. На одних общих веревках сушится белье. Ничего не утаишь – ни обеденного меню, ни плохого настроения, ни нового поклонника.

Бегал по двору малыш, драли его за уши кому не лень. Смотришь – он уже парень, усики пробиваются над губой. Двор провожает в армию солдата. Девочки становятся невестами. Во дворе свадьбы. Уходят невесты в дома, где квартиры с удобствами, лифтами и мусоропроводами. Но не все уходят. И появляются во дворе новые дети. Становится еще тесней. И в каждой семье ждут: вот получим квартиру в новом доме...

Получают, конечно, с течением времени...

А старые домики идут на слом. Бог с ней, с этой экзотикой, с этими пристроечками, верандочками, шаткими лесенками, с мелочными кухонными ссорами и толкотней. Но только одного, только одного бы не утратить, созданного жизнью в этих двориках: человеческой сплоченности, умения спрятать все обиды и дружно броситься на помощь, если с кем-то что-то стряслось. Не забыть бы этого, не потерять бы по дороге в новые квартиры со всеми удобствами...

ТБИЛИССЦЫ РАЗГОВАРИВАЮТ

Нет, тбилисцы не молчаливники. Что делать? Если хочешь общаться с людьми (а тбилисец хочет, хочет!) - надо разговаривать. Одними взглядами и междометиями не обойдешься.

Тбилисец разговаривает несколько повышенным тоном. Это от темперамента. Иногда кажется, что он хочет разорвать собеседника в клочья. Ничего подобного. Он просто слегка разгорячился, и это так же быстро проходит, как и началось.

Тбилисец обращается к человеку мягко, ставя впереди фразы непереводаемое ласковое слово «генацвале» (если говорить по-русски, то «дорогой»).

Тбилисец разговаривает на многих языках. Грузин говорит по-русски, русский – по-грузински, армянин и по-русски, и по-грузински. Грузинским и русским владеют

тбилисские поляки, азербайджанцы, евреи, ассирийцы, курды, греки. Ученый-лингвист мог бы создать трактат о богатом и сочном тбилисском жаргоне!

Но что стоит в разговоре тбилисеца на недосягаемой высоте – это мимика, жест. Словно бы не доверяя воздействию слов, тбилисец дополняет сказанное движением рук, сверканием глаз, работой всех своих мышц. Как же иначе, если рассказывается нечто чрезвычайное, уморительное, потрясающее, словом, в высшей степени значительное? А для тбилисеца значительно все, что происходит.

ЛЕСТНИЦЫ

Дома лепятся по склонам и террасам. Улицы горбятся и виляют в соответствии с запутанным рельефом. От одного проспекта до другого рукой подать, но их разделяет острый, как пила, непроходимый хребет. Впрочем, что значит, непроходимый? Прodelали в нем брешь, построили улицу и прошли!

Тбилиси все время напоминает людям о скалах, горах, диких травах, все время что-то показывает из окна или с улицы, не дает скучать глазам...

А что в это время происходит с ногами тбилисцев? Карбакаются на подъемы, пружинят на спусках... Хорошо, что есть лестница! Что бы делали тбилисцы без лестниц самых разнообразных конструкций и конфигураций – спиральных, как стружка, зигзагообразных, старых и узеньких, прямых и широких?

Лестницы соединяют верхние и нижние улицы, поднимают пешеходов на возвышенность, спускают их в подземные переходы. Есть в городе лестницы, ступени которых стерты ногами многих поколений граждан. Есть современные движущиеся лестницы-эскалаторы в метрополитене. Есть лестницы-вагонетки, скользящие по канатам вверх-вниз. Они перебрасывают тбилисцев с проспектов в горные парки, из одного городского района в другой.

Когда-то гениальный наш предок сбил из досок первые перекладки, вырубил в скале первые уступы для ног. С тех пор лестницы приглашают нас на свои ступени...

В шестидесятых годах прошлого века справочник тифлиского Статистического управления сообщал: «Тифлис быстро продвигается на пути благоустройства. Мощенных площадей в Тифлисе – 5, немощенных – 5. Улиц мощенных 56, немощенных 156...»

В шестидесятых годах нашего столетия в Тбилиси около 2 000 улиц протяженностью более 800 километров. Асфальтовое покрытие в городе составляет более 5 000 000 квадратных метров. На улицах Тбилиси более 52 тысяч деревьев – целый лес!

ПРОСПЕКТ РУСТАВЕЛИ

Что в нем, в этом не самом длинном, не самом стройном, но самом любимом в городе проспекте Руставели? Ряд давно обжитых помпезных зданий со следами титанической борьбы разных архитектурных веяний и эпох? Классика, Мавритания, национальная многобалконность, конструктивизм 30-х годов, современное многоэтажье? Старые кариатиды на фасадах и новенькие, сделанные под старину базальтовые тумбы и стелы в скверах? Шумные птичьи базары в громадных платанах, бросающих па тротуары пятнистую тень? Что-то во всем этом есть, какой-то праздник свободных пропорций, какой-то рассказ о влияниях и самобытном, о том, как в разное время и по-разному складывались здесь понятия об удобствах и красоте.

И в этих, уже самих по себе любопытных берегах течет любопытная и пестрая толпа, в которой можно встретить все – от буйного темперамента до кокетливой апатии, от банального пижонства до галантности времен испанских идадьго...

Что же нужно всему этому на Главном проспекте? Нужны магазины и театры, кафе и музеи, салоны с сувенирами, гостиницы и концертные залы, экзотические подвальчики-кабачки, картинные галереи и билетные кассы... Здесь деловые люди, шагающие из одного официоза в другой, здесь – дети, устремляющиеся в свой Дворец, рабочие расположенных на проспекте типографий, связисты, артисты, писатели, журналисты... Приветливый взмах руки, дружеские объятия, медленная поступь седого человека, взволнованного воспоминаниями, свидание влюбленных, заразительный смех молодости, встречные потоки у станций метрополитена... Человеческая река течет в одном оживленном, приподнятом, но неторопливом ритме. А может быть, в этом и есть ответ на поставленный вначале вопрос – что в нем, в этом не самом длинном, не самом стройном, но самом любимом проспекте?

НА ГРИБОЕДОВСКОЙ

Вся музыка собралась в этом доме на Грибоедовской – сонаты, арии, сюиты, хоралы... Набито, как в старой музыкальной шкатулке, вырывается из каждого окна, звенит в ушах прохожих. Чудесный, милый дом на Грибоедовской!

Его построили на средства, собранные от концертов А.Рубинштейна плюс некоторые частные пожертвования. Великий русский композитор приезжал в Тбилиси в 1891 году. В то время Тбилиси был уже весьма музыкальным городом. Здесь уже десятки лет существовала опера. М.Ипполитов-Иванов основал первое в городе музыкальное училище. И наезжал в Тбилиси к своему брату П.Чайковский.

Чайковский нежно любил этот город. Письма полны восклицаний: «Вспоминаю Тифлис как какой-то сладкий сон!», «Смертельно хочу побывать в Тифлисе!»... Он счи-



тал, что его оперы играют здесь более, чем где-либо. И советовал композитору А.Аренскому поселиться в этом крае, богатом «всякими художественными стимулами»...

Остановившись П.Чайковский у брата, под горой Мтацминда, на нынешней улице Чайковского, много и жадно бродил в одиночестве. Ипполитов-Иванов свидетельствует, что именно здесь зародились у Чайковского «Спящая красавица», «Иоланта», «Пиковая дама»...

И еще был влюблен в этот город Ф.Шалапин. Голодный, оборванный, доведенный до отчаяния, встретил он здесь людей, принявших горячее участие в его судьбе. Отсюда, с подмостков Тифлисской оперы, начался его актерский триумф.

А что же дом на Грибоедовской? Долгие годы он был музыкальным училищем, в котором, кстати, выросла и Розина Левина, будущая учительница Вэна Клайберна. В училище делал свои первые педагогические шаги Захарий Палиашвили – создатель классических национальных опер «Даиси» и «Абесалом и Этери». Сюда, как на огонек, съезжались обученные в России грузины композиторы и исполнители. Работал первый поборник музыкального просвещения в Грузии Хута Саванели со своими помощниками А.Мизандари и К.Алихановым. В этом доме звучал неповторимый тенор Вано Сараджишвили. Полвека назад здесь открылась консерватория.

И если сейчас на других континентах, далеко от Тбилиси, слушают грузинскую профессиональную оперу и симфоническую музыку, если радуют людей грузинская эстрадная песенка или прекрасная исполнительница из Тбилиси – все это потому, что есть дом на Грибоедовской. И потому что он есть, в Тбилиси любят приезжать музыканты со всего света. Музыкантам очень нужно, чтоб их умели хорошо слушать...

ЛИЛОВЫЕ ЧЕРНИЛА

Они только что отчаевничали, сидя на широком тифлисском балконе, возле большого медного самовара. Он ушел в свою комнату и сел за стол. Как-то все странно и необычно. Он должен написать о Раде и Лойко. Так настаивает Александр Мефодиевич, говорит, что надо пробовать, что нельзя зарывать в землю талант. Он никогда ничего не писал, разве что только стишки, но это ведь не серьезно!

Он долго ходил по комнате, расстегнув косоворотку. Душная сентябрьская ночь глядела в окно. Как же было в ту ночь, у моря, когда старый цыган рассказал ему историю любви двух сильных и свободных людей?

Он снова подошел к столу, макнул ручку в чернильницу. Ого! Александр Мефодиевич заправил чернильницу доверху новыми чернилами! Никак думает, что я буду писать роман?

Это развеселило его, сдвинуло что-то с мертвой точки, рука снова потянулась к чернильнице, и на бумагу легла первая фраза:

- С моря дул влажный и холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов...

Через несколько дней из типографии, что на углу Голвинского проспекта и Лорис-Меликовской, выбежала стайка мальчишек и с криками: «Кавказ!»! Покупайте газету «Кавказ!»! - бросилась врассыпную. В номере было все то, что обычно бывало – и о драках, и о холере, и о



спорах из-за наследства. И на последней полосе, подвалом:

- С моря дул влажный и холодный ветер...

Над рассказом стояло заглавие, набранное «кучерявым» двенадцатипунктовым шрифтом – «Макар Чудра». А в конце подпись: «М.Горький». Да, он придумал себе такой псевдоним. Он стоял на углу, возле типографии, с пачкой только что купленных газет, читал и перечитывал... Еще бы! В первый раз на газетном листе! И кто он? Мелкий конторский служащий Тифлиских железнодорожных мастерских, еще недавний бродяга, замисливший исходить своими ногами всю Русь! А все этот великолепный человечишко Александр Мефодиевич Калюжный, который упорно толкает его на тернистый, сладкий и горький писательский путь...

Несколько дней ходил он в опьянении и именно в эти дни, тихо открыв свою тайную тетрадь для стихов, записал в нее:

*Живя ощущениями новыми.
Исполненный новыми силами,
Сие знаменуя – лиловыми
Отныне пишу я чернилами...*

СТАРАЯ УЛИЦА

Старый Тбилиси образовывался долго и сложно, в разные времена – по-разному. Неизменным было лишь то, что он всегда старался улучшить свою фасадную сторону – центр. Окраина же создавалась хаотично, в черных латках пустырей и свалок, расплозаясь по кривым швам маленьких улочек.

Между тем, именно здесь, на окраине, жили люди, чьими руками создавались все материальные ценности города. Эти люди строили дворцы, перекидывали через реку мосты, кормили и одевали горожан. По неровным, крутым улочкам собирались они на сходки. Порой эти улочки наполнялись ярким и красивым движением, становились грозными и суровыми в дни массовых стачек, ловкими и бдительными, когда по ним шныряли сыщики...

Жила улица старой городской окраины и делала большую историю. Живет и сейчас. Только ее выпрямили, укатали асфальтом, обсадили зеленью. И Тбилиси в этих местах выглядит совсем иным: лишен присущей ему парадности, как бы отвернулся от блеска своих центральных проспектов, устав улыбаться, обвораживать...

Так и на лице человека, когда ему кажется, что на него уже никто не смотрит, можно прочесть, что он совсем не так уж беспечен, как казалось поначалу, что он тих, скромн и порядком натружен в делах.

ВЕРИКО

Днем на репетиции. Вечером – играет спектакль. Сегодня ее раздирает ужас отвергнутой любви, завтра верность любимому толкает на безумный шаг. Она наслаждается и ненавидит, тихо страдает и негодует, отрекается, умоляет, изнывает. Тонны эмоций. Шквал страстей! И смерти. Смерть матери, смерть блистательной куртизанки, смерть героини. Сколько раз умирала на сцене трагедийная актриса, народная артистка СССР Верико Анджпаридзе, захлебнувшись от рыданий, упав как покоренная, погаснув как свеча!..

Пятьдесят лет на сцене и в кино. И публика идет в театр имени Марджанишвили на Верико, хотя ей там приходится плакать, а не смеяться, тяжело волноваться, а не благодушеествовать. Притягательна сила крупных страстей. Неподкупны человеческие симпатии к настоящему мастерству.

Каждый город имеет любимый проспект, любимую песню, любимую актрису...

Ия МЕСХИ
Фото Исаака Тункела
Тбилиси. 1970



ГРУЗИНСКИЕ МОТИВЫ ЗАРУБЕЖЬЯ

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Вероятно, нет необходимости представлять на страницах журнала «Русский клуб» Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Имя его знают в Грузии. Он не раз бывал в Тбилиси, знаком с грузинской культурой и ее представителями. Еще в 1982 году Лобанов-Ростовский передал Музею искусств Грузии портрет Саломеи Андроникашвили работы Зинаиды Серебряковой. Портрет этот муза многих знаменитых поэтов и художников завещала Грузии. С.Андроникашвили дружила не только с самим Никитой Дмитриевичем, но и с его матерью и дядей Вырубовыми.

В 1983 г. грузинский читатель познакомился с Никитой Дмитриевичем как с известным в мире коллекционером русской театральной живописи на страницах газеты «Вечерний Тбилиси».

Н.Лобанов-Ростовский, князь, прямой потомок Рюриковичей, родственными узами связан с А.Фетом, И.Тургеневым, Ф.Тютчевым. Среди его предков – известные российские военачальники, министры, собиратели – истинные патриоты России.

Н.Лобанов-Ростовский – геолог по образованию, но также экономист, банкир, консультант, меценат, общественный деятель, коллекционер. Гражданин США, он живет в Лондоне. Но он – истинно русский патриот. Личность и сама жизнь князя – феномен новейшей русской истории и культуры. Свою уникальную коллекцию русской театральной живописи (1880-1930-е гг.) он начал собирать еще в 1950-е гг. Искал и находил работы А.Бенуа, М.Шагала, М.Ларионова, Н.Гончаровой

и многих других великих русских живописцев. Он был знаком с некоторыми из них, с их семьями, собирал биографические и творческие сведения о художниках. Грамотно, самоотверженно, с огромной любовью, в сочетании со вкусом и интуицией Н.Лобанов-Ростовский собрал коллекцию из более чем 1000 подлинных шедевров 176 авторов, а также богатейший справочно-информационный материал. Это – эскизы, плакаты, афиши, книги, письма, портреты...

Коллекция содержит примеры практически всех художественных стилей: от символизма до футуризма, от кубизма до модернизма.

С 1967 г. Н.Лобанов-Ростовский активно пропагандировал русское искусство на примере своей коллекции по всему миру, издавал альбомы, устраивал выставки, писал о художниках, не раз дарил музеям и архивам бесценные материалы и картины. Коллекция Н.Лобанова-Ростовского – многонациональная. В ней представлены произведения русских, украинских, армянских, грузинских, еврейских, прибалтийских мастеров.

В 2013 г. Н.Лобанов-Ростовский (при содействии известного специалиста по русской культуре, профессора Джона Боулта и с участием Ольги Шаумян) издал «Шедевры русской театральной живописи. 1880-1930» в двух томах, на английском языке.

Концепция дизайна книги принадлежит самому Н.Д. Лобанову-Ростовскому. Множество черно-белых и цветных иллюстраций и обширные тексты дают замечательно полную картину истории театральной живописи Серебряного века, «Мира искусств». Здесь собраны сведения о художниках, художественных объединениях, выставках, режиссерах, список всех спектаклей Сергея Дягилева, полная библиография (вплоть до 2011 г.) по русскому искусству (общая и тематическая), а также словарь и указатель имен.

Отдельная глава посвящается художественному авангарду Украины, Грузии и Армении. Хотя Москва и Петербург были несомненными центрами художественной активности и арбитрами вкусовых пристрастий и в 1910-1920-е гг., авторы текста признают важным и значительным творчество таких южнокавказских художников как Ладос Гудиашвили, Мартирос Сарьян, Георгий Якулов, пришедших к модернизму

из иных культурных ареалов. В 1917-1922 гг. одним из центров деятельности художественной (и поэтической) богемы России стал Тифлис. Тогда Ладо Гудиашвили, братья Илья и Кирилл Зданевичи познакомились и подружились со многими русскими братьями по духу, совместными силами оформляли спектакли, расписывали стены артистических кафе-клубов, читали доклады, устраивали выставки, поэтические вечера.

Совершенно верно в тексте отмечено, что Ладо Гудиашвили появился со своим индивидуальным стилем через изучение национальных традиций грузинской фрески, миниатюры, церковной архитектуры, будучи при этом знаком с последними русскими и западными художественными идеями. Причину его успеха авторы двухтомника, без сомнения, видят в том, что художник никогда не терял связи с корнями своей родины.

В первом томе энциклопедии даны цветные иллюстрации эскизов художников Кирилла Зданевича, Василия Шухаева, Александра Шервашидзе, Ильи Зданевича. Конечно, здесь мы находим строчки о Жорже Баланчине (Баланчивадзе), как о выдающемся хореографе современности. Определенное внимание уделяется работам Л.Гудиашвили, М.Сарьяна, В.Шухаева (вместе с А. и Н.Бенуа) в кабаре «Летучая мышь» Н.Балиева в Париже (1920-1927 гг.), а также работе А. Шервашидзе у С.Дягилева в 1926 г.

Во втором томе (каталог-резоне) помещены иллюстрации театральных эскизов Кирилла Зданевича 1919 г. Художник упоминается и как один из первооткрывателей живописи великого Нико Пиросмани.

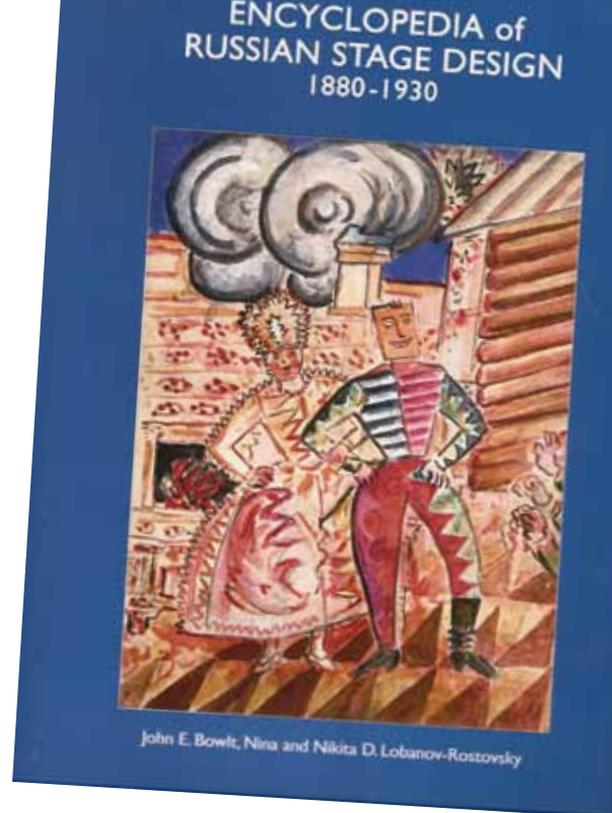
Илья Зданевич также упоминается как открыватель и неутомимый пропагандист творчества Пиросмани. Помещен портрет И. Зданевича (возможно, работы Зиги Валишевского) 1919 г. Здесь же – иллюстрации афиш лекций И.Зданевича (в 1918 г. в Тифлисе), посвященных итальянскому футуризму, дается обзор художественно-литературной жизни Тифлиса 1910-х годов.

Во втором томе энциклопедии художники Георгий Якулов и Соломон Телингатер, уроженцы Тбилиси, позже работавшие в Москве; Евгений Лансеро, который в 1922-1932 гг. преподавал в Тбилисской Академии художеств; Василий Шухаев, с 1947 г. живший в Тбилиси и также преподававший в Академии художеств. В данном томе представлена афиша выставки «Мишень» (24 марта – 7 апреля 1913 г. в Москве), на которой впервые экспонировались работы Н.Пиросмани (рядом с произведениями К.Малевица, М.Шагала, М.Ларионова, Н.Гончаровой, М.Ле-Дантю, К.Зданевича и др.).

Выдающийся русский художник Сергей Судейкин представлен в указанном томе репродукциями нескольких своих работ. Не забыт авторами и тифлисский период творчества художника, например, его участие в выставке «Малый круг» в мае 1919 г. в Тифлисе. Указана картина С.Судейкина «Карнавал жизни» (на тему одноименного спектакля, поставленного в 1915 г. в Москве). Она хранится в Гос. Музее искусств Грузии.

В каталог-резоне дана краткая биография художника Ираклия Гамрекели, основная биография о его творчестве, и представлены пять иллюстраций эскизов театральной живописи 1924 г. к постановке «Мистерии-Буфф» (режиссер – Котэ Марджанишвили). Авторами отмечена деятельность И.Гамрекели как члена группы художников и писателей Н2СО4, и как художника-постановщика в Тбилисском драматическом театре им. А.С. Грибоедова в 1930-1940-е гг.

Ладо Гудиашвили представлен не только биографической справкой и фотопортретом 1970 г., но и иллюстрациями



люстрациями трех эскизов костюмов (1922-1923 гг.) грузинских танцовщиц и акварели 1924 г. «Недалеко от Тифлиса».

Здесь также интересны иллюстрации эскиза костюма для грузинской танцовщицы (1915 г.) художника А.К. Богомазова, афиши о вечере футуристов в тифлисском Казенном театре в 1914 г. с участием Давида Бурлюка, Василия Каменского и Владимира Маяковского.

Немногие знают, что Наталья Гончарова создала эскизы костюмов к балету «Шота Руставели» (в 4-х актах) на музыку Артура Хонеггера, Александра Черепнина и Тибора Харсани, в постановке Сержа Лифаря, и с художественным оформлением А.Шервашидзе. Балет был осуществлен в 1946 г. в театре Монте-Карло. Одна из акварелей – эскиз костюма Таризэла – воспроизведена на страницах каталога-резоне.

Изданный двухтомник по сути является максимальной полной энциклопедией русской театральной живописи, охватывающей более чем пятидесятилетний период времени. Его содержание, дизайн, структура, высокий профессиональный уровень, полиграфия впечатляют и специалистов, и рядового читателя. Не случайно и то, что энциклопедия впервые издана на английском языке, являясь, таким образом, доступной для широкого интернационального читателя обширнейшей информации о шедеврах коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского.

Эта книга – открытие для художественных кругов многих стран и культур. Отраднo, что среди них – произведения и грузинских художников и тех, кто волею судьбы, в той или иной степени связал свою жизнь и творчество с Грузией, с Тбилиси.

ВСПОМИНАЯ «ГРУЗИНА В ПАРИЖЕ»

Имя нашего соотечественника Ильи Михайловича Зданевича достаточно хорошо известно не только в Грузии, но и в России, и во Франции, а также в литературной и научной практике многих других стран.

Он родился в Тифлисе в 1894 г., в семье потомка ссыльного поляка М.А. Зданевича и грузинской дворянки В.К. Гамкрелидзе. Умер Илья Зданевич в 1975

Дада

по-русски

г. во Франции и похоронен на грузинском кладбище в Левиль-сюр-Орж.

Об И.Зданевиче много писали при его жизни, но еще больше после его ухода. О нем пишут книги, статьи, организуют выставки, посвященные его творчеству. Творческое наследие И.Зданевича рассыпано по фондам различных музеев (Гос. Музей искусств Грузии, Русский музей в Санкт-Петербурге, Помпиду-Центр в Париже, Национальная библиотека Франции и т.д.) и по частным собраниям.

На родине И. Зданевича, в тбилисской прессе, отмечали 100-летие, и 110-летие, и 115-летие со дня рождения человека, чье имя вошло в историю литературно-художественного авангарда Грузии, России и Франции и навечно связано с именем великого Нико Пиросмани, открывателем и пропагандистом творчества которого был И.Зданевич.

20 апреля 2014 года исполняется 120 лет со дня рождения этого замечательного поэта, прозаика, дизайнера книги, исследователя древнехристианской архитектуры, издателя, пытавшегося konstruировать новый мир и новое искусство и до конца жизни оставшегося преданным несравненному искусству Н.Пиросмани.

Заслуги И.Зданевича несомненны и подтверждают все возрастающим интересом к его яркой фигуре. Доказательство тому – книга «Дада по-русски», вышедшая тиражом в 300 (!) экземпляров в 2013 г. в Белграде (Сербия) на русском и английском языках. Редактор-составитель – профессор Корнелия Ичин. Сборник включает хронологию жизни и творчества поэта (составитель – Франсуа Мерэ, пасынок И. Зданевича, от его последней жены и музы Элен Дуар), а также 15 статей известных специалистов из разных стран мира: Луиджи Магаротто (Италия), Юрий Герчук (Россия), Татьяна Никольская (Россия), Вера Фабер (Вена-Киев), Валерий Гречко (Токио), Михаил Мейлах (Франция) и др. Грузию на страницах сборника представляет Мзия Чихрадзе со статьей «Тбилисский авангард и Илья Зданевич» (на английском языке).

Благодаря тематике и сюжетам статей, посвященных творчеству И.Зданевича и тифлисскому литературному авангарду, сборник в целом можно восприни-

мать как юбилейный, приуроченный к 120-летию со дня рождения нашего соотечественника.

Все представленные статьи раскрывают новые грани его творчества. Внимание читателя наверняка привлекут статьи «Футиризм и величество в теоретических работах Ильи Зданевича» (Е.Бобринская), «Илья Зданевич: от итальянского футуризма до драматической пенталогии» (Л.Магаротто), «Грузинские реалии в прозе Ильи Зданевича» (Т.Никольская), «К лингвистико-психологической характеристике зауми Ильи Зданевича» (В.Гречко), «Илья Зданевич – адресат стихов Бориса Поплавского» (К.Ичин) и другие. Хронология жизни и творчества (Ф.Мерэ) достаточно обширно иллюстрирована документальными фотографиями из семейного архива семьи Элен Дуар.

Важно, что в данном сборнике тифлисский период творчества И.Зданевича (связанный с объединением «Синдикат футуристов» и «41°») представлен как наиболее полный в изобретенной им версии художественной теории величества. Важно утверждение, что коллаж не случайно стал одной из самых популярных техник среди художников этих объединений именно в Тифлисе. Здесь, в родном городе Ильи Зданевич приобрел навыки, необходимые при типографском наборе заумных произведений, благодаря которым позже в Париже он утвердился как один из самых блестящих создателей livres de peintre (по выражению Л.Магаротто, т.е. «книг, созданных художником»). По этому поводу Виктор Шкловский писал в свое время: «Типографская сторона в произведениях Зданевича – одно из любопытнейших достижений в современном искусстве».

Репутация И.Зданевича как грузина не только по месту рождения и грузинским чертам характера (артистизм, щедрость) устойчива давно, с эпохи его юности и вплоть до последних дней его жизни во Франции. «...Я сам – грузин», – утверждал И.Зданевич. Отрадно, что Т.Никольская и другие авторы сборника помнят об этом и напоминают нам вновь и вновь.

Неотъемлемой составляющей жизни и творчества И.Зданевича от Тифлиса до Парижа было его искреннее и страстное увлечение живописью и личностью великого Нико Пиросмани. И тем не менее, в сборнике неоднократно подчеркивается этот факт. Для современных исследователей это по-прежнему остается важным в контексте общего (но и противоречивого) художественного мировоззрения И.Зданевича.

В 2013 г. исполнилось 100 лет русскому футуризму: листовка «Пощечина общественному вкусу» вышла в начале 1913 г., но самым радикальным апологетом кубофутуризма в Петербурге оказался 18-летний И.Зданевич, приехавший сюда из Тифлиса, где уже в 1912 г. он выступал на диспутах, выставках, в печати.

Один из авторов сборника (В.Фещенко) полагает возможным более полно реконструировать раннюю деятельность И.Зданевича по множеству неопубликованных документов, хранящихся в фонде И.Зданевича (Отдел рукописей Русского музея, ф. 177) в Русском Музее (Санкт-Петербург). Обидно, но эти документы должны были бы храниться в Гос. Музее искусств Грузии. Пока музей вел переговоры об их приобретении с семьей Кирилла Зданевича, Русский музей опередил нас и за более привлекательную для наследников цену закупил архив. Обидно и то, что по признанию вышеупомянутого автора, «дадаистский (т.е. парижский – И.Д.) период творчества И.Зданевича описан значительно лучше и полнее, чем ранний петербургский

– тифлисский».

Пересказать сюжеты разных статей сборника «Дада по-русски» невозможно. Просто он должен быть в научной практике грузинских исследователей. В целом же сборник дает представление об Илье Зданевиче как одном из ведущих и ранних теоретиков футуризма и заумной поэзии. А его интерес к поискам нового в языке и искусстве, интерес, не покидавший его на протяжении всей его жизни, зародился в юности в Тифлисе. С того момента, когда художник Борис Лопатинский в 1911 г. привез с собой из Парижа манифесты Филиппо Маринетти и дал их почитать юному гимназисту, подражавшему тогда поэтам-символистам. В том же 1911 г. Илья Зданевич стал популяризатором футуристического учения в Тифлисе, Петербурге и Москве. Об этом напоминают нам авторы сборника и об этом должны помнить мы, соотечественники Ильи Зданевича.

ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ КНИГА. ЮБИЛЕЙ

Альбом-каталог «Взорваль» (Москва, 2010 г., тираж 3 000 экземпляров, издательская программа Правительства Москвы) – стильно оформленная книга, главный герой которой – книги. Она посвящена 100-летию русской футуристической книги.

Некоторые из них известны читателю, другие – малоизвестные или вовсе неизвестные. А потому задача составителей «Взорваль» – ознакомить нас с художественным оформлением и концептуальным решением русской футуристической книги первой четверти XX в. Последние годы эта тема находится на пике интереса к ней в России и за ее пределами. Современных исследователей и просто заинтересованных людей привлекают лингвистические, литературоведческие и культурологические аспекты футуристической книги.

Издательская деятельность российских поэтов-футуристов началась и протекала не только в Москве и Петербурге, но и в Тифлисе. Их книги, сборники, альманахи, журналы и манифесты хранятся в музейных фондах, библиотеках и в серьезных частных коллекциях. Сегодня это – раритеты (учитывая также и их небольшие тиражи), и библиографическая редкость.

Альбом-каталог «Взорваль» подтверждает, что русская футуристическая книга – неотъемлемая часть истории литературно-художественного авангарда России и Грузии. Тифлис никогда не оставался безразличным к творчеству многих и многих деятелей культуры, которые теми или иными узами и в той или иной степени были связаны с грузинской землей, гостеприимной и любвеобильной, щедрой на дружбу и отзывчивой.

Данный альбом – это часть и культурной памяти Грузии, а потому следовало бы и нам направить внимание к более пристальному изучению и сохранению этой памяти, хотя бы в виде монографии или обширного сводного научного каталога. Следовало бы составить полный список и научное описание книг, изданных поэтами-футуристами в Тифлисе в первой четверти XX века.

Необходимо серьезное исследование о том культурном периоде, в котором тесно сплелось творчество грузинских поэтов и художников и их русских собратьев. Подобная книга, вне всяких сомнений, обретет своего читателя, заполнит лауну в истории грузинской культуры. Она должна быть осуществлена именно в Тбилиси, в городе, который в свое время приютил и обласкал гонимых ветром революции и гражданской войны в России. Они покинули родину, чтобы переждать

лихолетье, сумели не растерять себя здесь, в городе, где звучали стихи на всех языках, вплоть до заумного.

Великолепный пример этой полифонии – трехязычный сборник «Фантастический кабачок» - Софии Георгиевны Мельниковой», ставший высшей точкой тифлисского литературного авангарда 1910-х годов. В нем помещены стихотворения Дмитрия Гордеева, Кара-Дарвиша, Василия Катаняна, Алексея Крученых, Ильи Зданевича, Григола Робакидзе, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Игоря Терентьева в художественном оформлении Кирилла Зданевича, Зиги Валишевского, Ладо Гудиашвили, Александра Бажбеук-Меликова, Игоря Терентьева и Натальи Гончаровой.

Альбом-каталог «Взорваль» назван так по одноименной книге поэта Алексея Крученых, изданной в Петербурге в 1913 г. с иллюстрациями К.Малевича, Н.Гончаровой, Н.Кульбина и О.Розановой. В нем более 400 иллюстраций 96 футуристических изданий из коллекций М.Л. Либермана и И.Н. Розанова (ныне они хранятся в фондах Гос. Музея им. А.С. Пушкина и Гос. Музея им. В.В. Маяковского в Москве). М.Л. Либерман был искусствоведом, обладателем уникальной библиотеки, лично был знаком со многими поэтами и писателями, обладал обширными познаниями в области истории русской литературы.

И.Н. Розанов – ученый и библиофил. Его уникальная библиотека (10 000 единиц хранения) включала издания с 1730 г., среди них – первые издания Г.Р. Державина, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, 32 прижизненных издания А.С. Пушкина и многие другие раритеты с автографами и посвящениями их авторов (А.Блока, А.Белого, В.Брюсова, С.Есенина и т.д.) собирателю.

Альбом-каталог состоит из трех разделов: авторские сборники, совместные сборники и коллективные издания. Здесь даны описания книг в алфавитном порядке по авторам, сведения об иллюстрациях, содержании и отличительных особенностях книг.

Из тифлисских изданий в альбоме описаны и воспроизведены (обложки и иллюстрации) книги Алексея Крученых, Василия Каменского, Татьяны Вечорки-Толстой, Ильи Зданевича и, конечно же, сборник «Фантастический кабачок» - Софии Георгиевны Мельниковой».

Не все именитые современники воспринимали футуристов и их деятельность. К счастью, время все расставило на свои места. В наши дни футуристическая книга все больше привлекает внимание, пробуждает любопытство и подтверждает определенную степень ее влияния на последующее искусство книги, вплоть до наших дней.



Ирина ДЗУЦОВА
Доктор искусствоведения
Париж



ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

Журналист, член Союза писателей Грузии и редколлегии журнала «Русский клуб». Автор трех книг. Работал в ГрузинформТАСС, «Общей газете» (Россия), газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля, главным редактором газеты «Головинский проспект» (Грузия).

если куксится больной
домовой у печки
и нетрезвый водяной
голосит из речки,

не корите добрых фей –
на себя пеняйте.
Но ни в мыслях, ни в строфе
сказку не сменяйте.

ТБИЛИССКОЕ

Я выйду из подъезда. Как всегда,
куплю в киоске пачку сигарет.
И поспешу в метро, где поезда
ритмично полосуют тень и свет.

Опаздывая, перейду на бег,
найду в кармане проездной билет.
И тут навстречу выйдет человек
И улыбнется: «Ты ли? Сколько лет!..»

И мы застынем с ним на мостовой,
и давние припомним времена,
и будем называть наперебой
живущих и ушедших имена.

Конечно, будем говорить на «ты»,
твердить, что мир ушедший был неплох.
Его полузнакомые черты –
как отзвуки утеранных эпох.

Об очень многом не договорив,
не удивимся, что в ушах навяз
тот давний, очень простенький мотив,
ценившийся когда-то больше фраз.

Расстанемся. Я помашу рукой.
И мы растаем с ним в заботах дня.

Я буду вспоминать, кто он такой.
А он – пытаться опознать меня.

Какой звонок звучит для нас?
Второй? Последний? Или первый?
Он просто проверяет нервы,
иль четко отбивает час?

И что же делать нам теперь,
когда затихла трель сигнала?
Вести, спокойно и устало,
подсчет находок и потерь?

Ну, вот и все. Пора не торопиться,
а, оглянувшись, посмотреть туда,
где выцветают имена и лица
и друг за дружку прячутся года.

Они – в ином, неизменном мире.
Там есть иная правда, свой резон.
И небо выше, и дороги шире,
и радуга легла на горизонт.

И каждый день – в особенной огранке,
и не доказан жизнью постулат:
у горизонта есть своя изнанка,
и к ней вовек не подобрать заплат.

А мы с изнанки штопаем прорехи.
И, глядя в них, как в мутное окно,
считаем, словно памятные вехи,
ошибки, совершенные давно.

Пора не торопиться, сознавая,
сколь быстро может разорваться круг.
А здесь, с изнанки, радуга бывает?
Сомнительно.
Но все-таки...
А вдруг...

ВОТ ТАКАЯ СКАЗКА

Если будит по утрам
только крик вороны,
если рядом, по дворам,
шастают драконы,

если принцев и принцесс
в городе не стало,
если ваш любимый лес
нечисть истоптала,

Иль «спорить с целым морем бед»,
решив поставить под сомнение
сигнал – судьбы предупреждение,
а может, даже и совет?

А если мерить тем звонком
прошедшее, мечты, пределы?
Звонок звенит. Простое дело.
И ты не спрашивай, по ком.

Над провинциальной тишью
и имперской суетой,
там, где дворики и крыши
придавило высотой,
в небе, позабывшем грозы,
как аэростаты – в ряд –
люди, петухи и козы
местечковые летят.

Все они вполне здоровы,
то – не души, а тела.
И они вернутся скоро
в повседневные дела,
в те, где столько накопилось
– от сомнений и до драк...
А пока им воспарилось
над землю. Просто так.

И старуха, и невеста,
и младенец, и раввин –
каждому хватило места
среди подоблачных равнин.
И, познав полет однажды,
в жизни, пройденной в низах,
как спокойно смотрит каждый,
небо сохранив в глазах...

Ниспадает чудо детства
в эти самые низы.
Полон легкого кокетства
взгляд летающей козы.
И, как отблеск Холокоста,
цвет зари тревожно ал...
А все вместе это просто
называется – Шагал.

ПЕСЕНКА «ВОСЬМИДЕСЯТНИКОВ»

Ну что ж, по коням, господа!
По каравеллам и каретам!
- Туда, где в новые рассветы
плывут иные города.

Мы оказались не у дел,
нам не хватает зла и веса.
Увы, нет нужного замеса
у наших душ, у наших тел.
Мы ставки делали не те,
крапленых карт не замечали,
людей негромких привечали
по их наивной простоте.

Мы не старели до поры,
решив, что возраст управляем,
не понимая, что играем
по правилам иной игры,
что у родившихся проблем
- иные ценности и стражи...
Но скорострельность у «лепажей»
слабее, чем у АКМ.

Что ж, если мы не ко двору,
заполним рюкзаки и фляги.
Там, на дорогах – передряги,
но оставаться – не к добру.

Не зря же новая звезда
у горизонта нам маячит.
Жизнь продолжается. А значит,
вперед, по коням, господа!

Мой сосед беседует с Луной.
Что-то в его жизни надломилось.
И не верит он в людскую милость,
справедливость, дружбу, рай земной.

Мой сосед беседует с Луной.
Он до полнолуния адекватен.
А потом размывы лунных пятен
ворожат ему про мир иной.

Я не знаю, что он шепчет ей,
я не знаю, ждет ли он ответа,
и какие лунные секреты
всех земных забот ему важней.

Думаю, не жалуется он
на людей – далеких и соседних.
Просто ему нужен собеседник,
вот он и выходит на балкон.

А потом – опять обычный день.
Рядом те, кто не умеют слушать,
но зато влезать умеют в души
и швыряют тени на плетень.

Нам пока земным законом жить.
Но уже не всюду, не со всеми...
Неужели подступает время
с тем соседом на балкон сходить?

Гамлет смотрит «Мышеловку».
Смешаны судьба и роль.
Дворне страшно и неловко,
в ложе корчится король,
королева вся в ознобе,
и визгливых флейт минор
сотрясает, словно в злобе,
старый замок Эльсинор.

Ах, какая это пьеса!
В ней суфлером – жизнь сама.
Вот приподнята завеса
тайны горя от ума.
Вот, набрав помалу скорость
в пышных залах и в людских,
вдруг являют страсть и корысть
все причины бед мирских.
И, сквозь годы, к нам направлен
масок нарочитый плач...

Смотрит «Мышеловку» Гамлет –
суд присяжных и палач.



▲ Георгий Данелия

МАСТЕР, НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖИЙ...

Начало 60-х. Я застрял в Болшево. Работа над сценарием о знаменитой актрисе МХАТа, гражданской жене М. Горького М.Ф. Андреевой, затянулась. Глянул в окно из своего коттеджа. Вижу, на аллее знакомая фигура – это мой сосед по дому кинематографистов у метро «Аэропорт» Георгий Данелия. Знакомы мы с ним, так сказать, шапочно. Иногда сталкиваемся во дворе или у метро «Аэропорт», обмениваемся приветствиями на ходу. Не более того. Он всегда немногословен и сосредоточен. По имени-отчеству его мало кто называет. Просто Гия. По-грузински это коротко, а так Георгий.

Ему еще только тридцать с небольшим, а все говорят о его фильмах с восхищением. Ворвался он в кинематограф внезапно, как метеор, хотя человек по виду тихий, негромкий, неторопливый. Заговорили впервые о нем после фильма по повести Веры Пановой «Сережа», снятый вместе с Игорем Таланкиным. Это было как дуновение чистого, освежающего ветерка после тяжеловесного

сталинского кино. Порой после успешного дебюта, уже на втором фильме, молодые режиссеры спотыкаются, не оправдывают ожиданий и уходят в тень. А Данелия сразу стал набирать новую высоту, не делая длинных пауз, как многие начинающие режиссеры, боящиеся тут же остуться.

При этом он с удивительной легкостью менял жанры, в которых работал. Снял серьезный, драматичный фильм о моряках по рассказу В. Конецкого «Путь к причалу», он вскоре уже радуется новой, поэтической, легкой, как дыхание, кинолентой «Я шагаю по Москве» – по сценарию талантливейшего Геннадия Шпаликова. А на стихи того же Шпаликова композитор Андрей Петров написал музыку, которой суждено жить долго. Это знаменитая песня, названная, как и фильм, – «Я шагаю по Москве». Ее исполнил совсем юный, обаятельный парнишка Никита Михалков, сразу завоевавший сердца миллионов зрителей.

А потом фильм «Тридцать три», по сценарию В. Конецкого и В. Ежова, при участии самого Г. Данелия, очень смешная комедия, скорее едкий памфлет, высмеивающий создание лжегероев в брежневскую эпоху (картину эту долго не пускали в прокат). И тут же, без усталости, он приступает к работе над другими картинами, мгновенно завоевывающими сердца зрителя своей сердечностью, юмором, озорством.

Надо сказать, что Георгий Данелия, в котором гармонично сочетаются режиссерский и писательский дар, предпочитал работать над сценариями в соавторстве с интересными драматургами и прозаиками – с В. Ежовым, А. Володиным, В. Токаревой и другими. С Викторией Токаревой он написал сценарии таких популярных фильмов, как «Джентльмены удачи», «Совсем пропащий» (по М. Твену). Легендарный «Мимино» сочинялся уже целым трио авторов – Г. Данелия, В. Токаревой и Р. Габриадзе.

Но, пожалуй, самым гармоничным стал творческий дуэт Георгия Данелия и Резо Габриадзе. Драматург особого поэтического склада, Габриадзе – глубоко национальный художник. К тому же он талантливый рисовальщик, режиссер. Он основал знаменитый Тбилисский театр марионеток, объехавший со своими спектаклями много стран.

Именно с Резо Габриадзе Георгий Данелия создал кинематографический шедевр – фильм «Не горюй!». Это пронзительная история, снятая в труднейшем жанре трагикомедии. И это дань авторам любимой родины. Но самое удивительное, что подсказкой для этого фильма послужила написанная давным-давно книга французского романиста.

Данелия обратился к любимой им с детства книге французского писателя Клода Тилье «Мой дядя Бенджамен». Собственно, это даже не экранизация, а дерзкий, даже вызывающе нахальный перенос действия романа с французской почвы на грузинскую, да еще в другой, XIX век. Пленительный рассказ о молодом провинциальном грузинском враче с французским именем Бенджамен, о его недолгом счастье, а потом – и о несчастье...

Зная Грузию не понаслышке, где прожил пятнадцать лет до поступления во ВГИК, я был поражен способностью режиссера «возродить» кинематографическими средствами старую Грузию с ее укорененными национальными традициями, с вековым укладом жизни, с истинно национальными характерами. Потрясение вызвала игра гениального грузинского актера Серго Закариадзе (вспомните, как он исполнил главную роль в фильме Р. Чхеидзе и С. Жгенти «Отец солдата»). Монолог старого доктора, отца невесты Бенджамена, на придуманных им собственных «поминках», прощающегося с друзьями и жизнью. Это настоящий артистический шедевр! Думаю, что только Данелия мог с такой силой раскрыть все грани огромного таланта Серго Закариадзе.

Режиссерскому дарованию Данелия советский экран обязан и рождением киноактера (а до этого звезды грузинской эстрады) Бубы Кикабидзе, который до фильма

«Не горюй!» никогда не снимался в кино. Данелия очень долго присматривался к нему, пока не решился поручить главную роль в своей картине. И Кикабидзе стал потом его любимым актером и популярнейшим киногероем всей страны.

О картине «Не горюй!» можно говорить долго. И о ее психологической тонкости, и о ее истинно национальном духе, о ее музыкальности... Но достаточно, по-моему, сказать, что ее высоко оценил... маэстро Федерико Феллини.

Вскоре имя режиссера Данелия становится известным и на Западе, его картины идут в некоторых странах, а его самого начинают приглашать на различные международные кинофестивали. Об этих зарубежных поездках Георгий Данелия вспоминает в своей автобиографической книге с юмором и самоиронией.

Советские граждане, выезжавшие тогда за границу, должны были неукоснительно соблюдать особые правила и меры предосторожности. И перед поездкой им предъявлялся некий «моральный кодекс» поведения за рубежом, полный нелепостей, глупостей и унижения. Но Гия Данелия обладал совершенно независимой натурой. Он органически не умел и не хотел ходить за границей табуном, «общим строем», исполнять дурацкие наставления начальства. А его гордый грузинский характер не позволял, как, увы, приходилось многим, экономить каждый франк или доллар, униженно, втихую, поедая в номере привезенные из Москвы консервы или колбасу. Имея в кармане столько же командировочных, что и другие члены советской делегации, Данелия ухитрялся «шикануть», выкинуть такой фортель, что у руководителей делегации дух захватывало.

В те годы об этом ходило много баек на «Мосфильме». Я вспоминаю одну из них, хотя не вполне уверен в ее полной достоверности. Но уж очень она в характере молодого Данелия. На фестивале в Каннах советскую делегацию, в которой был и Гия, поселили против ожидания в дорогом отеле. Вокруг бассейна в шезлонгах отдыхала скучающая богатая публика, лениво попивающая свои коктейли. Данелия решил разыграть перед ними небольшой скетч. Договорился с администрацией местного ресторана, чтобы по всем четырем сторонам бассейна встали официанты с подносами в руках, на подносах – маленькие рюмки с коньяком. И Гия начал свои «марафонские заплывы». Подплывал то к одной, то к другой стенке бассейна, протягивал руку из воды и, получив от услужливого официанта очередную рюмочку, лихо опрокидывал ее в рот. Господа в шезлонгах, с удивлением взирая на это необычное зрелище, оживились, затем дружно зааплодировали. А узнав, что это известный кинорежиссер из России, были поражены его раскованностью и чувством юмора. Гия стал самым популярным среди гостей отеля. Вот только остался он без своих командировочных...

А теперь вернемся в прошлое, обратимся к родословной Данелия, чтобы лучше понять истоки его таланта и мироощущения. Георгий Данелия – москвич, хотя родился и совсем недолго прожил в Тбилиси. Оттуда тянутся и его родовые корни. Я хорошо помню по «Мосфильму» маму Гии – Мэри Ивлиановну (мы ее звали Мэри Ильиничной) Анджапаридзе. Она была уже в летах, но все еще очень интересной женщиной, отличавшейся какой-то особой горделивой грузинской красотой. Ее обаятельная улыбка, большие выразительные глаза сразу располагали к себе. Она считалась одной из лучших в своей профессии – второго режиссера (незаменимая фигура в съемочной группе). С ней хотели работать многие корифеи «Мосфильма», ибо знали, как точно она умеет находить актеров на главные роли.

Фамилия Анджапаридзе – одна из самых почитаемых в Грузии. Родная сестра Мэри Ильиничны – великая трагедийная актриса грузинской сцены, народная

артистка СССР Верико Анджапаридзе, снимавшаяся иногда и в кино. Ее муж, известный режиссер Михаил Чаурели, свой безусловный талант (достаточно посмотреть его ранний фильм «Последний маскарад») растратил на придворное лжеискусство, помпезные, фальшивые фильмы во славу Сталина: «Великое зарево», «Клятва», «Незабываемый 1919-й», «Падение Берлина». Их дочь Софико Чаурели, двоюродная сестра Георгия, замечательная актриса театра и кино, приобрела в свое время всесоюзную популярность многоплановыми ролями в фильмах – от комедийных до трагического звучания. И только отец Гии – Николай Дмитриевич Данелия – к искусству не имел никакого отношения. Был инженером-транспортником, одним из создателей столичного метро, главным инженером «Метростроя», в генеральских чинах.

Хотя Гия рос в атмосфере близкого родства с искусством и мальчуганом даже снялся в ряде фильмов, поначалу он избрал профессию более прагматичную – окончил архитектурный институт и, наверное, мог бы со временем стать неплохим зодчим. Но случайно ему на глаза попалось объявление о наборе на Высшие режиссерские курсы при «Мосфильме». И Данелия импульсивно, повинувшись какой-то внутренней подсказке, поступил на них. Оказалось, это было мудрое решение.

В наши дни он безусловный классик отечественного кино, народный артист СССР, лауреат нескольких Государственных премий – как советского, так и нынешнего российского времени. У него нет пышного звания Героя Социалистического Труда, но любили он и уважаем всеми. Данелия в полном смысле этого слова художник народный, ибо его картины – и «Афоню» по сценарию А. Бородянского, и «Мимино», и «Кин-дзадза», да и другие – зрители обожают и готовы смотреть бесконечно. Они покоряют своей искренностью, душевностью, неиссякаемым юмором – то лукавым, то



печальным, то ироничным.

Но есть у него еще одна картина, которая, как и «Не горюй!», - подлинная вершина режиссерского мастерства. Это на первый взгляд обычная житейская история, история некоего университетского преподавателя, мечущегося между семьей и молодой любовницей. Вроде бы все банально. Но картина с удивительной психологической точностью передает не только человеческие переживания героев, но и удушающую атмосферу застойных лет, все нелепости советской жизни, когда скромный, честный, порядочный человек вынужден «белой вороной», вынужден был идти на компромиссы со своей совестью.

Великолепный сценарий истинного классика драматургии того времени Александра Володина, блистательный ансамбль актеров – О.Басилашвили, М.Неелова, Н.Гундарева и, конечно, Е.Леонов (которого Данелия вообще считал своим талисманом) – создают ту атмосферу абсолютной правды, когда, кажется, нет границы между реальностью и вымыслом.

Когда я по многу раз смотрел этот замечательный фильм, «Осенний марафон», я видел в нем немало автобиографичного для автора сценария. С Александром Володиным я имел счастье учиться на одном курсе во ВГИКе. Это был человек предельной честности и искренности, очень страстный, увлекающийся. Он прожил нелегкую жизнь. Еще до войны, по зову сердца «пошел в народ», учительствовал в сельской школе,

реальность и фантазия так тесно сплетены в этой книге, что почти неотличимы друг от друга.

Но не надо думать, что жизнь Георгия Данелия прошла весело, легко и беззаботно. Профессия кинорежиссера – каторга. Это мучительные поиски. Это вечные сомнения. Это тяжелый, изматывающий труд.

Были в жизни Георгия Николаевича и большие драмы. И самая тяжелая из них – трагическая гибель единственного сына. Он только что окончил ВГИК, подавал большие надежды и в режиссуре, и в живописи. Должен был стать продолжателем славной творческой династии Данелия. И вот страшный удар... В утешение теперь – внуки от первого брака.

О своей личной жизни Георгий Данелия не любит особо распространяться. Он говорит о ней в своей книге, в отличие от любителей интимного пиара, скупое, лаконично: «Я был женат три раза. На Ирине, на Любе и на Гале. Я любил. И меня любили. Я уходил. И от меня уходили. Это все, что я могу сказать о своей личной жизни». Ну кто, кроме Данелия, обладает в кино таким достоинством настоящего мужчины?..

Не знаю, как будет складываться дальше творческая жизнь Данелия. Ведь Георгию Николаевичу уже за семьдесят... А работа в кино – на износ. В наши дни он занялся мультипликацией, анимационным вариантом своего фильма «Кин-дза-дза», поскольку он еще и прекрасный рисовальщик и живописец. Читатели очень ждут, что он напишет и другие книги, напишет их



▲ Кадры из фильмов Георгия Данелия

потом служил по призыву в армии, и когда началась война, прошел ее всю простым рядовым. Был ранен. О его храбрости свидетельствовала истинно солдатская награда – медаль «За отвагу». А потом уже орден Отечественной войны. После ВГИКа Володина по распределению зачислили редактором на Ленинградскую студию научно-популярных фильмов, явно ввиду графы в анкете – национальность (его настоящая фамилия – Лившиц). По ночам он стал писать свои первые рассказы. Пьеса «Фабричная девчонка» сразу принесла ему широкую известность, но не благополучное существование. Потом стали появляться и другие его произведения для сцены, вернее, прорываться с боем. Но чего стоят один только спектакль «Пять вечеров» в БДТ у Г.Товстоногова, а потом и одноименный фильм Н.Михалкова.

Мне кажется, что два таких таланта, как Володин и Данелия, не могли не соединиться на экране, а их фильмы стали определенной вехой в нашем кино. Жаль только, что это произошло лишь два раза – в фильме «Тридцать три» и в «Осеннем марафоне».

Не так давно я прочел одну из книг Г.Данелия «Безбилетный пассажир». И вновь особенно радостно ощутил уникальный его талант рассказчика, его совершенно неповторимый, я бы сказал «фирменный» юмор. Под пером Данелия события воспринимаются в каком-то особом комическом ракурсе. О своих друзьях, коллегам и даже случайных знакомых он говорит всегда доброжелательно, хоть и лукаво. Правда и вымысел,

с таким же молодым озорством и мудростью человека, прожившего большую интересную жизнь.

Мне захотелось под конец привести один замечательный отрывок из его книги «Безбилетный пассажир», историю, которую поведал Гие когда-то Михаил Чиаурели.

«В 30-е годы тяжело заболел директор Тифлисской киностудии и врачи сказали, что жить ему осталось мало. Тогда он собрал в больнице партбюро студии и обсудил порядок своих похорон – кто напишет некролог, кто скажет речь над гробом (место в пантеоне – самом престижном кладбище – он себе уже пробил). Утвердили эскиз гроба, оркестр и обсудили, кто будет тамадой на поминках... Дошли до обсуждения траурного кортежа. Пойдет по Головинскому проспекту (ныне проспект Руставели. – Примеч. авт.).

- Не сможем, - сказали ему. - Там сейчас все перекрыто. Можно по Плехановской улице.

- Нет! - категорически заявил директор. - По Плехановской не хочу!

И прожил еще пять лет...»

Не знаю, точно ли Гия воспроизвел эту трагикомическую историю, рассказанную ему Михаилом Чиаурели. Сильно подозреваю, что ее талантливо пересказал для нас сам Георгий Данелия, художник неиссякаемой фантазии.

Борис ДОБРОДЕЕВ
Из книги «Мы едем в Болшево.
Путешествие в минувшее»



კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI



KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

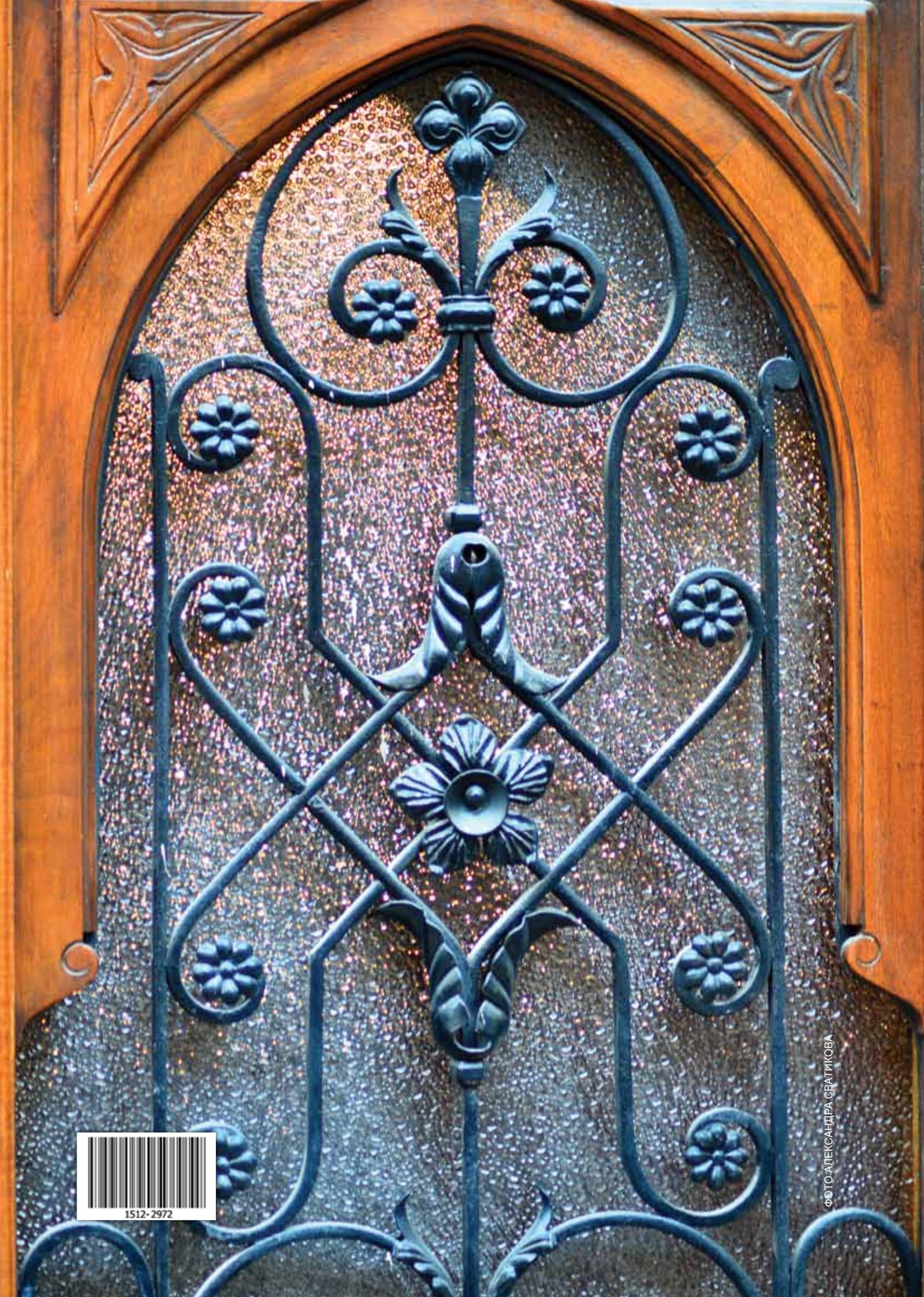


ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

